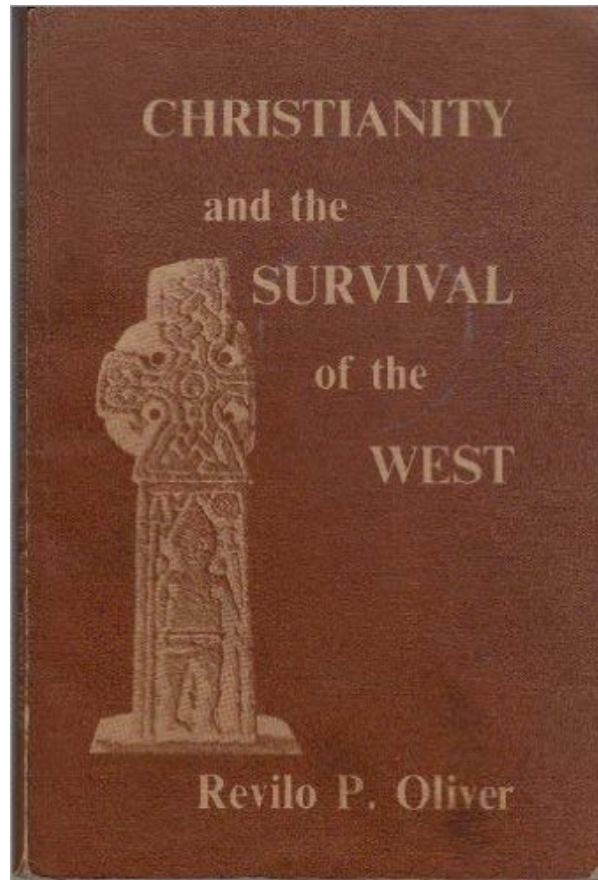

Ревило Оливер

ХРИСТИАНСТВО И ВЫЖИВАНИЕ ЗАПАДА

Стерлинг, Вирджиния: Sterling Enterprises, 1973

Оригинал: Revilo P. Oliver, Christianity and the Survival of the West, Sterling Enterprises, 1973.

Перевод с английского, 2017 г.

Текст оригинала взят с сайта:

https://archive.org/stream/ChristianityAndTheSurvivalOfTheWest/Christianity-and-the-Survival-of-the-West-Revilo-Oliver_djvu.txt

Содержание

- I. Религия Запада
 - II. Восток
 - III. Христианство сегодня
 - IV. Предсказуемое будущее
 - V. Последствия
 - VI. Заменяющая религия
- Постскриптум
-

«Возвращение начнется с обратного давления природы на человечество. Человечество снова станет беспокойным под этим давлением. Но горе тем народам, у которых нет мужчин, которые встанут и будут бороться без содрогания. Те страны, где моральное разложение должно стать самым глубоким, где испытанная порода людей должна вымереть и уступить место слабым людям, где произойдет большая феминизация мужчин (и маскулинизация женщин вовсе не станет заменой этому), где сильные, мудрые и проницательные не смогут получить больше богатства, власти и влияния, чем слабые, глупые и некомпетентные, все будучи равными, – тех ждет катастрофа. И когда эта судьба постигнет большинство стран наших западных белых людей, нашему циклу цивилизации настанет конец».

Корреа Мойлан Уолш (1917)

«Счастлив не будет никто, кто живет сейчас где-то в мире».

Освальд Шпенглер (1918)

«Никогда еще у народов не было такого сильного ощущения, что ими управляют события, как сегодня. Никогда они не были более бессильными, более добровольно бессильными перед лицом этих событий. И это то, что кажется мне наиболее трагическим в этом аспекте мира в 1932 году: мы видим там только цивилизацию, которая падает вниз, и ночь, которая близится».

Пьер Лёвель (1932)

«Миссия этого поколения является самой трудной из всех, которые когда-либо стояли перед западным поколением. Оно должно сломать террор, который заставляет его молчать, оно должно смотреть вперед, оно должно верить, когда кажется, что нет никакой надежды, оно должно повиноваться, даже если это означает смерть, оно должно бороться до конца, а не покоряться. ... Мужчины этого поколения должны бороться за продолжение существования Запада».

Фрэнсис Паркер Йоки (1948)

Глава первая

РЕЛИГИЯ ЗАПАДА

Вы, читающий сейчас эти строки, и я не знакомы друг с другом. Я никак не могу узнать, христианин вы или атеист. Это, однако, не будет иметь значения, пока мы говорим о фактах, а не о пожеланиях.

Наблюдаемые и поддающиеся проверке факты о мире вокруг нас не подвержены влиянию религиозной веры или отсутствия веры. Христиане и атеисты должны прийти к полному согласию, когда они утверждают, что свинец мягче стали, что Земля – это сплюснутый у полюсов сфероид, вращающийся вокруг своей оси, что киты – млекопитающие, что Германия была побеждена и опустошена многими странами, которые объединились против нее в 1945 году, и что китайцы – монголоиды. По таким вопросам не может быть никакого спора среди западных народов, которые инстинктивно принимают действительность мира вокруг нас и не могут верить, так же, как и многие восточные народы, что это – просто иллюзия в уме мечтателя.

Если мы должны спасти и восстановить нашу цивилизацию – западную культуру, которая только и является нашей собственной цивилизацией, и которая теперь, как кажется, распадается и гниет прямо у нас перед глазами – то мы должны поступать, как западные люди, объективно смотря на действительность и беспристрастно рассуждая о ней. И когда мы пытаемся вычислить то, какие

ресурсы остаются для нас, мы должны, прежде всего, определить фактическую силу христианской традиции в настоящее время.

Факт, на который христиане смотрят с удовлетворением, а некоторые атеисты могут сожалеть об этом, состоит в том, что западная цивилизация на протяжении приблизительно половины ее зафиксированной истории была христианской цивилизацией в том смысле, что значительное большинство людей, принадлежащих к ней (хотя никогда, ни в один момент истории этого нельзя сказать о всех них), полностью верили в истинность христианского откровения. Это религиозное единодушие было в течение долгого времени таким почти полным, что после падения Римской империи и исчезновения надежд на ее восстановление мы на Западе видели в нашей религии ту связь, которая объединяла нас и отличала нас от остальной части человечества. В Средневековье наши предки занимали большую часть Европы, и, пока они не открыли обе Америки, они жили только в Европе, но, несмотря на это географическое единство, они, как правило, не называли себя европейцами. Больше того, с практической точки зрения наши предки принадлежали к одному и тому же подвиду белой расы: они, как истинные греки и истинные римляне до них, все были членами той великой расы, которую мы теперь называем индоевропейской или арийской, но у них в их языках не было слова, чтобы определить их кровное родство и биологическое единство. Поэтому, когда они ссылались на единство, которое они всегда ощущали как что-то стоящее выше постоянно изменяющихся территориальных и политических разделений Европы, они называли себя христианским миром. И в течение многих столетий это слово было точным и достаточным, и никого не вводило в заблуждение.

Много веков Запад был христианским миром, и его цивилизация была, несомненно, христианской: нравится вам это или нет, но это является историческим фактом. Есть еще один дополнительный исторический факт, который был менее очевидным в то время и который даже вдумчивые люди упустили или попытались игнорировать, пока события последних двух десятилетий не сделали его несомненным: христианство – религия Запада, и, в практическом смысле, одного только Запада. Христианство не является, как так часто обвиняют его полемические противники, семитским культом, поскольку оно никогда не было руководящей силой, объединяющей сколько-нибудь значительное число семитов, и оно не представляет собой, как когда-то верили христиане в своем большинстве, универсальную, всеобщую и всемирную религию, ибо опыт доказал, что она не может быть успешно экспортирована населению, которое не является индоевропейским.

Опыт также доказал, что отрицание установленных фактов не приносит ни малейшей пользы. Люди классической древности знали, конечно, что Земля – шар, и древний грек Эратосфен в третьем столетии до нашей эры вычислил длину ее окружности по экватору равной 24 663 мили. Но ранние отцы церкви, живущие в эпоху растущего невежества, которое охватило Римскую империю в последние века ее существования, на основании нескольких утверждений в Ветхом Завете решили, что Земля должна быть плоской или, по крайней мере, не более изогнутой, чем щит.

Лактанций был самым красноречивым и, вероятно, поэтому самым влиятельным из многих, кто усердно требовал, чтобы Земля была плоской, и таким образом навязал своим современникам суждение, что она действительно была таковой. В Средние века, разумеется, были некоторые ученые мужи, такие как Буридан, знавшие, что Земля – шар, но они, как ученые люди сегодня, которые все очень хорошо знают, что разговор о равенстве рас – полная чепуха, обычно воздерживались от общественного осуждения модного заблуждения. Так продолжалось до пятнадцатого века, когда правда стала снова неизбежной, но, когда это случилось, христиане, будучи западными людьми, не отрицающими уроки опыта, отказались от удобной ошибки, в которую они когда-то почти все верили. И с этого времени ни один разумный христианин не сомневался в том, что Земля имеет шарообразную форму.

Сегодня, как в пятнадцатом столетии, люди Запада должны были бы отказаться от одного свойственного им приятного предположения, чтобы привести свою концепцию мира в соответствие с наблюдаемой действительностью. Пока мы, западные люди, сохраняли не подлежащую никакому сомнению власть над всей Землей, мы позволяли себе предполагать, что наша цивилизация вообще и наша религия в частности могли быть экспортированы другим народам и сделаны всеобщими. Мы не заметили в достаточной степени того, что талант к мимикрии характерен для всех людей и в действительности даже для всех антропидов; что все люди боятся тех, у кого есть власть над ними; и что гений скрытности, притворства и лицемерия является наследственным у самых умных восточных народов. Даже с этими упущениями доказательства против нашего предположения были довольно ясны, но в гордости нашей силы и власти мы чувствовали, что можем потворствовать этому предположению, которое было таким приятным для романтического великодушия, являющегося особенностью нашей расы. Но события половины этого столетия, и особенно последних двух десятилетий, показали нам, вне всякого возможного сомнения, реальный облик мира, в котором мы живем. Мы теперь знаем, чего достигли наши длительные миссионерские усилия, как культурные, так и религиозные – и как были созданы их видимые результаты.

Когда Кортес и его малочисленная, но отважная группа железных воинов завоевали большую и богатую империю ацтеков, за ними тут же отправилась вереница серьезных миссионеров, в основном францисканцев, которые начали проповедовать туземцам евангелие и вскоре отправили домой, с наивным энтузиазмом, страстные отчеты о достигнутом ими переходе аборигенов в христианство. Их набожная искренность и невинная радость все еще живут на страницах отца Саагуна, отца Торквемады и многих других. Я рад за них, потому что бедные францисканцы никогда не заподозрили, какую маленькую роль они сыграли в той смене туземцами веры, которая так осчастливила их. Более убедительным, намного более убедительным, чем все их проповеди и их книга, было испанское огнестрельное оружие, пушки, пробившие и разрушившие оборонительные сооружения ацтеков, и безжалостные испанские солдаты, которые убивали ацтекских жрецов у их собственных алтарей и свергали ацтекских идолов с жертвенных пирамид. Ацтеки, тепанеки и другие аборигены приняли христианство не потому, что их сердца были тронуты чужими и непостижимыми доктринами любви и милосердия, но потому, что это была религия белых, бронзовые пушки и одетые в железные доспехи воины которых были неукротимы.

Это было в начале шестнадцатого столетия, и даже тогда там было достаточно признаков, которые должны были бы заставить критический ум заколебаться и задуматься, но мы, люди Запада, продолжали повторять это излишне оптимистичное заблуждение в течение четырех веков, когда миссионеры, отправленные нами во все части мира, писали домой пылкие отчеты о количестве «сердец», которые они «покорили для Христа». Только после того, как «антиколониальная» кампания наших врагов начала по-настоящему претворяться в жизнь, большинство из нас поняло, что тем, что покорило все те сердца, была, в первую очередь, дисциплина британских полков и явная власть белых.

Мы теперь знаем, что произошло. На многих берегах Африки, например, миссионеры, стремившиеся «завоевать души для Христа», рисковали высадиться одни, и аборигены, искалечив и замучив их ради своего общего смеха, съедали их, в приготовленном или в сыром виде согласно обычаю местной кухни. Обычно несколько недель или несколько месяцев спустя британский крейсер подходил к берегу и выпускал полдюжины 4,5-дюймовых снарядов по деревне туземцев, и, если время позволяло, высаживал половину роты морских пехотинцев, которые продирались через кустарник и вытаскивали приблизительно дюжину дикарей, чтобы повесить их на подходящих деревьях. Вследствие этого племя, если оно не было очень тупым, понимало намек и почитало следующую группу миссионеров как представителей бога грома и молнии. И если люди Бога наряду со своими проповедями раздавали достаточно бесплатного риса и лечили туземцев, то они могли делать из них «новообращённых», поскольку аборигены учились произносить слова, которые христианам нравится слышать.

Такой в основном была вся эта история «завоевания душ» среди дикарей. Были, конечно, многие местные вариации. Если первым миссионерам предшествовали войска или белые поселенцы, то черные уже были убеждены в достоинствах христианских винтовок и узнали, что белых нельзя рассматривать как съестные припасы. Но часто происходило и так, что аборигены, даже после многих лет проповедования и принятия христианства, очень решительно отвергали странные для них обряды белых, и была необходима новая поставка миссионеров. В 1905 году, например, заговор «маджи-маджи» в Танганьике убил всех миссионеров и почти всех белых мужчин и женщин на всей территории, и потребовались немецкий полк и несколько рот морских пехотинцев для восстановления учения Евангелия. Это было сделано, продемонстрировав приблизительно сорок тысяч или пятьдесят тысяч раз, что пуля «маузера» пробивает даже черную шкуру, очень тщательно намазанную жиром сваренного младенца.

Христианские миссионеры действительно преподавали ритуал и часто прививали суеверие, у которого было некоторое поверхностное подобие с их религией, но что касается обучения духовной сущности христианства, они, возможно, также следовали примеру Святого Франциска и читали проповеди птицам. Именно поэтому многие, многие тысячи искренне верящих и убежденных христиан, потративших целые свои жизни, чтобы «спасти души», построили только домик из картона и мишуры, который теперь разметал ветер.

То, что сделало ясным исчезновение этого непрочного фасада, было предсказуемо с самого начала. Религия Запада никогда не была постижима для недоразвитых умов конгоидов (негроидов), капоидов (бушменов) и австралоидов, рас настолько примитивных, что они были врожденно неспособны к изобретению колеса и даже к использованию его без постороннего наблюдения, рас, которые не могли развить для себя даже первые и самые простые предпосылки цивилизации. Когда миссионеры изобретали системы письменности для грубых языков этих примитивных людей, они должны были также придумывать слова, чтобы выразить такие понятия как «Бог», «душа», «судья», «этика» и «религия» – придумывать их, либо создавая новые слова, либо искажая до этих значений звуки, которые на жаргоне туземцев передавали впечатления, которые были слабо и отдаленно аналогичны европейским значениям. Один только этот факт должен был заставить нас задуматься. Было ясно, кроме того, что «новообращённые», даже те, кто был в самой большой степени наполнен страхом перед богом магазинных винтовок и паровозов, будут следовать морали белого человека только под принуждением, и что всякий раз, когда они сбегали из-под контроля белых, они спонтанно возвращались не только к своим собственным исконным нравам, но также и к любой форме колдовства, которое они практиковали прежде. Даже если более ранний опыт не был полностью убедительным, то, что произошло на Гаити в самом начале девятнадцатого века, должно было

устранить последнее слабое сомнение. Но миссионеры ничему не учились, и «Дамское миссионерское общество» продолжало вносить свою скромную лепту, усердно занимаясь своим вязанием, и пылая нежными чувствами к милым маленьким дикарям, которых рисовало им их романтическое воображение.

Хотя и верно, что в некоторых местах в бывших колониальных владениях миссионеров все еще терпят, если они подобострастны к туземцам и очень хорошо платят, мы, наконец, узнали, что Евангелие следует за британскими полками в позорном и безумном отступлении белого человека из мира, который раньше принадлежал ему.

Глава вторая

ВОСТОК

Мы, индоевропейцы, были христианами приблизительно половину нашей зафиксированной истории, и вся наша культура была так глубоко связана с нашей религией, что мы называли наш мир христианским миром. Сегодня, однако, на нашу религию и, следовательно, на наше понимание нас самих и мира вокруг нас сильно повлияли три разных процесса, которые необязательно связаны друг с другом, и мы должны постараться не перепутать их. Этими процессами являются:

- 1) Катастрофический упадок религиозной веры и верования среди наших народов в течение последних полутора или двух веков. Это явление, которое, хотя, возможно, и было немного ускорено чужими влияниями, возникло внутри нашей культуры, и было просто возрождением тенденции нашей западной философии до появления христианства. Поэтому это отдельная тема, которую мы должны отложить для более позднего рассмотрения.
- 2) Очевидный в наше время провал наших усилий передать христианство примитивным расам, что мы кратко рассмотрели в нашей первой главе.
- 3) Тщетность всех наших усилий экспортировать нашу западную религию старым и цивилизованным нациям Востока. Это действительно самое поразительное явление из всех.

Среди биологически и умственно примитивных конгоидов, капоидов и австралоидов христианские миссионеры на некоторое время достигли некоторого показного подобия успеха. Можно только удивиться этим иллюзиям, которые христианский мир упрямо сохранял столетиями, несмотря на свой постоянный и фактически полный провал приобрести новообращённых среди очень умных,

проницательных и хитрых восточных народов, и белых, и желтых, у которых были свои собственные высокоразвитые культуры.

Так как мы в целом являемся рационально мыслящей расой, то для тех иллюзий были некоторые основания. Священные книги христианства появились не на Западе. Ветхий Завет почти полностью описывает действия израильтян и евреев. События Нового Завета, конечно, происходили на управляемой римлянами территории в Малой Азии, и в значительной степени в Галилее, на небольшой территории, населенной смешанным населением, которое евреи презирали как стоящих ниже их самих. Но первые апостолы, безотносительно их расы, были, конечно, не европейцами, и Павел был по общему признанию евреем. Было известно, кроме того, что в первые столетия нашей эры существовали некоторые малочисленные иудеохристианские секты, * и что только позже новая религия привлекла к себе верующих, которых можно было идентифицировать как подлинных греков, римлян и кельтов. Хотя европейцы знали Новый завет только на древнегреческом языке и латыни, и во времена Средневековья только на латыни, его азиатское происхождение породило гипотезу, что христианство, религия Европы, не было европейским, даже когда все знали, что у него не было никаких сторонников вне Европы кроме территорий Византийской Империи, и что византийское христианство было настолько испорчено левантийскими элементами, что оно было неприемлемым для Запада. **

* Эбиониты и керинфяне были самыми важными из этих сект, но были и другие, большинство которых перечислено в семитомной «Истории догмы» Адольфа фон Харнака (History of Dogma by Adolf von Harnack). Я должен лишь добавить, что термин «иудеохристиане» правильно использован только в отношении этих сект и их предшественников.

** Различия между западным и восточным христианством были настолько глубоки и фундаментальны, что многократно предпринятые до 1453 года попытки установить союз этих двух церквей потерпели абсолютный провал, несмотря на отчаянную потребность византийцев в военной помощи с Запада, несмотря на идеалистическое представление Запада, что его религия была «всеобщей», и несмотря на огромные порции лицемерия с обеих сторон. После захвата Константинополя Мехмедом II Завоевателем большинство оставшихся в живых византийцев искренне благодарило своего бога за то, что они попали под правление мусульман (с которыми у них было много общего) вместо европейских христиан, которые попытались бы навязать им чуждую религию. Существенно то, что пропасть между двумя религиями, которые называли себя христианскими, была слишком широка, чтобы ее можно было преодолеть, даже при том, что смешанное и частично левантийское население Византийской империи унаследовало культуру и образованность древних (и исчезнувших) греков.

Мы не можем анализировать здесь воздействия этого предположения на средневековый христианский мир. Краткую и язвительную трактовку этой темы можно найти в блестящей работе Лоуренса Р. Брауна «Мощь Запада» (The Might of the West, by Lawrence R. Brown, Нью-Йорк, 1963). Здесь достаточно отметить, что даже в кульминационный момент христианской веры, отмеченный Крестовыми походами, это предположение помешало нашим предкам сделать правильные выводы из явной и постоянной несостоятельности своих попыток расширить западное христианство за пределы Запада.

С тех пор как она была основана, христианская церковь постоянно трудилась над тем, чтобы привести к христианству евреев, используя при этом все методы от лестных увещаний и денежных вознаграждений до законодательного давления и вооруженного принуждения, и эти усилия потерпели полный провал. Этот провал, кроме того, был замечен в каждом городе и почти каждом маленьком городке христианского мира, год за годом и из века в век. Это было известно даже самому невежественному и изолированному крестьянину.

В христианском мире, как и повсюду, международная раса устраивала свои колонии везде, где были деньги, которые можно было получить от местных жителей, и она всегда следовала стандартной процедуре, которую она использовала, например, в Александрии в четвертом столетии до нашей эры. Колонисты просачивались небольшими группами, пока их количество не было достаточно велико, чтобы взять в свои руки часть города, устроив там свои собственные гетто, из которых коренное население неофициально, но действительно изгонялось. Но основную часть колонистов, внешне исключительных, обычно или всегда сопровождало некоторое количество, меньшее или большее, в зависимости от представлявшейся возможности, т.н. «мarrанов» (Marranos), то есть, евреев, которые симулировали принятие религии и культуры страны, в которую они прибыли, чтобы поселиться. Как они для виду исповедовали греческую философию в Александрии, так в средневековой Европе они внешне исповедовали христианство. Они, если так можно выразиться, прикрывали фланги своих менее гибких соплеменников.

Тут и там в Европе христиане иногда пытались вытеснить и удалить еврейские колонии, но им этого так никогда и не удалось. Насилием или угрозами насилия некоторые города и территории смогли прогнать евреев из их гетто на несколько лет, но неизменно, кроме в Испании и Португалии, якобы иностранные евреи рано или поздно возвращались и усердно восстанавливали свои гетто. Marrаны, защищенные своим внешним «переходом в христианство», уклонялись от всех усилий контролировать их, и в Испании и Португалии, по крайней мере,

они не только внедрились на самые высокие государственные посты, но и, несмотря на безумные усилия Инквизиции, они наполнили даже церковь монахинями, священниками, епископами и архиепископами, которые торжественно проводили на публике обряды религии, которую они презирали и, когда они встречались на своих секретных собраниях, то смеялись над глупостью легковерных гоев.

Удивительная гибкость и изменчивость ловкой хитрости марранов, особенно в «самых христианских» Испании и Португалии, была описана многими выдающимися еврейскими учеными. «История марранов» оксфордского профессора Сесила Рота (A History of the Marranos, by Professor Cecil Roth) является кратким обзором. Недавняя работа Хаима Бейнарта (Haim Beinart, Anusim be-Din ha-Inqwizisiah, Тель-Авив, 1965), к сожалению, не доступная на английском языке, представляет собой чрезвычайно подробное исследование одной единственной общины в один момент в ее истории.

Переходил ли хоть один еврей когда-нибудь в христианство? Компетентный и откровенный раввин Соломон Шиндлер,* обращаясь к христианской аудитории в Бостоне, был уверен, что ни один еврей не мог «добросовестно подчиниться» столь низшему вероисповеданию. «Никогда не было еврея», сказал он, «перешедшего в христианство, который добросовестно верил бы в доктрины принятой им религии. Они все были лицемерами, которые изменили свою веру просто из земных соображений». И проницательный и серьезный Морис Сэмюэл** после прилежного и добросовестного исследования пришел к заключению, что, «очевидно, вы не сделаете нееврея из еврея, окрестив его, не больше, чем вы сделали бы арийца из негра, покрасив его охрой». Такие широкие обобщения могут быть слишком абсолютными, и, кажется, существовали некоторые определенные случаи евреев, которые искренне перешли на сторону христианства, но этих случаев было мало. В целом, провал христиан в их попытках привлечь евреев к христианству или заставить их принять его был полным и впечатляющим.

* Solomon Schindler, Messianic Expectations and Modern Judaism, with an introduction by [the Reverend] Minot J. Savage. Boston, Cassino, 1886.

** Maurice Samuel, You Gentiles. New York, Harcourt-Brace, 1924.

Христиане часто объясняют эту неудачу тем, что приписывают евреям какую-то специфическую порочность или злонамеренность, результат либо божественного проклятия, либо сознательного сотрудничества с сатаной. Но в интересах как справедливости, так и объективности, мы должны с уважением и беспристрастно рассмотреть свидетельства эрудированных и проницательных евреев, которые серьезно изучили и обдумали многочисленные и глубокие различия между их людьми и нашими людьми, и которые уверяют нас, так вежливо, как они только могут, что их умам наша религия и большинство стандартов нашей культуры кажутся смехотворными или отталкивающими, и иногда совершенно непостижимыми. Как мы можем ожидать или требовать от человека, чтобы он верил тому, что, на его взгляд, является полной чепухой? Не было ли бы это так же абсурдно, как и ожидать от евреев, которые проживают в нашей стране, что они будут принимать во внимание наши интересы, а не свои собственные?

Пока христианский мир знал только еврейские колонии на своей территории и семитских и хамитских мусульман на своих южных границах, какие-то теории о некоей особенной закоснелости или порочности, специфически свойственной евреям и мусульманам, еще могли, возможно, сохраняться, но, конечно, христиане, после того, как их географические горизонты расширились, должны были почувствовать, что их религия не обладает никакой привлекательностью для любых восточных народов.

Имя Христа, разумеется, используется определенными монофизитскими культами на Ближнем Востоке и в Малабаре, и другими сектами в Египте и Абиссинии, неопределенные слухи о которых достигли средневековой Европы и вдохновили романтические легенды о пресвитере Иоанне. Но фактический контакт с этими сектами в шестнадцатом столетии принес разочарование; чтение их библий на сирийском, коптском, и на геэзе (древнеэфиопский язык) показало, как значительно эти концепции религии отличались от европейских. Поэтому были посланы миссионеры, чтобы обратить этих «христиан» в западное христианство – усилия, которые всегда заканчивались неудачами и иногда кровопролитными катастрофами.

За исключением таких изолированных и незначительных культов как мандеи и езиды, семитские народы Азии посчитали свои стремления и свою религиозность полностью удовлетворенными исламом, и все увещевания наших миссионеров в течение тысячелетия побудили только горстку мусульман принять христианство. В Индии, где кровь арийских завоевателей была давно загрязнена, несколько изгоев и изморенных голодом работяг стали «рисовыми христианами» (т.е. приняли веру в обмен на продовольственную помощь – прим. перев.). А некоторые образованные «бабу», индийцы в колониальной администрации, выучившие английский язык, называли себя новообращенными, пока «переход

в христианство» представлялся им возможностью ускорить их продвижение по карьерной лестнице в бюрократии Британской Индии. А взамен индусы отправляли к нам сотни черноглазых свами (учителей, мудрецов), чтобы обратить нас уже в свою веру и позаботиться о наших душах, особенно о душах богатых вдов. В Китае и Японии семена Евангелия, хотя и были много раз посеяны поколениями серьезных и часто ставших мучениками миссионеров, не принесли лучшего урожая.

В общем и целом, опыт показал нам, что евреи, хотя и уникальны как международная раса, не отличаются от других восточных народов в их сопротивлении «благим вестям» (euangelium) христианства. В Азии, как в Африке, хотя и по сильно отличающимся причинам, христианство испаряется так же быстро, как роса на утреннем солнце, и есть все основания полагать, что с несколькими возможными исключениями остающиеся азиатские «христиане», включая туземных священников и епископов, являются просто арабскими, индуистскими, китайскими или японскими «марранами» и исповедуют западную религию по коммерческим или дипломатическим причинам.

У нас есть непрерывная история провалов всех наших усилий экспортировать христианство другим народам. Этот провал не имеет никакого отношения к падению веры среди наших собственных народов в самое последнее время в результате скептицизма, основанного на нашей науке и технике. Начиная с основания западной церкви, христианство постоянно было не в состоянии привлечь и убедить другие расы, и в великую Эпоху Веры в Европе эта неспособность была столь же полной, каковой она является сегодня. Христианский мир должен был бы уже давно понять причины этой неизбежной неспособности.

В течение многих столетий у наших священников был странный обычай смотреть на все другие религии и культы всего мира с целью найти в них поверхностные общие черты, которые они затем представляют как какое-то подтверждение нашей религии. Они нетерпеливо хватались за любую историю о духах и призраках в мире и использовали ее, чтобы «доказать», будто бы вера в бессмертие была всеобщей, «универсальной». Но в действительности все другие доктрины и мифы доказали то, что наша вера в бессмертие была чем-то специфически свойственным нам самим и, вероятно, непостижимым для других рас.

У нас, арийцев, есть глубокое и врожденное сильное желание существовать вечно. Но то бессмертие, от которого атеист отчаивается, и на которое христианин надеется, это личное бессмертие – выживание индивидуального сознания, полного всех своих воспоминаний о жизни на земле. Для каждого из нас бессмертие – это продление существования своего сознания после смерти тела. Хотя мы, если не духовно больны, желаем выживания нашей расы и культуры,

это не то, что мы понимаем под бессмертием. Даже если бы мы чувствовали себя уверенными в том, что нашим народам, в конечном счете, будут принадлежать вся земля и все другие народы на ней, это, кажется, не будет для нас иметь никакого отношения к вопросу, будем ли вы и я как отдельные люди жить после смерти. С другой стороны, мы можем верить, что в момент смерти человек будет либо уничтожен, либо станет единственным свободным сознанием: мы не можем думать, что он станет пятью или шестью различными и рассеявшимися повсюду частями призрака. Опять же, если какая-то нематериальная, психическая искра нас самих должна выжить после нашей физической смерти, но не иметь при этом сознания, не иметь знания или памяти о том, чем мы были в жизни, то для нас такая судьба будет уничтожением, а не бессмертием. И, кроме того, если я должен жить после смерти, тогда так же должна жить и моя жена: никакое количество райских дев не могло бы примирить меня с таким Раем, в который попали бы многие миллионы мужчин, но только четыре женщины и одна собака.

Кроме того, мы можем представить себе реинкарнацию, но только как перевоплощение нас самих. Если бы моей женой был Наполеон и Ричард Львиное Сердце, тогда она вовсе не то, что я когда-то знал или любил. И если я был когда-то Аспасией и Нелл Гвин, тогда я не существую даже теперь: я – просто иллюзия.

Виды «бессмертия», постулированные другими главными религиями, являются для нас неприемлемыми: бессмысленными, абсурдными, или вызывающими отвращение у наших расовых инстинктов. Однако очевидно, что такие понятия о будущей жизни не только удовлетворительны для других народов, но и представляют собой то, чего эти народы инстинктивно желают. Значительному большинству жителей мира наша концепция бессмертия представляется бессмысленной, абсурдной или отталкивающей. Это просто факт, который мы не можем изменить.

Христианство воплотило в себе все моральные инстинкты нашей расы, такие, как наше понятие личной чести, личного чувства собственного достоинства и честности, честной игры, жалости к неудачнику, лояльности – все из которых кажутся нелепыми другим расам, по крайней мере, в тех формах и объяснениях, которые мы придаем им. У них просто нет наших инстинктов. Мы думаем, что есть большая разница в том, убиваем ли мы человека в честном бою или предательски предаем его, или наливаем яд в чашку, которую он принимает из нашей дружеской руки. По крайней мере, для одной из других рас мы кажемся просто по-ребячески незрелыми и иррациональными: если уж вы должны убить человека, то убейте его самым безопасным и самым удобным способом. Опять же, у нас, и христиан, и атеистов, есть инстинктивное чувство правды, так, что даже

если мы лжем, у нас возникают физические реакции, которые могут быть обнаружены сфигмоманометром (часто называемым полиграфом или «детектором лжи»). Когда офицеры американской военной разведки попытались использовать этот прибор на допросах пленных во время Корейской войны, они узнали, что у корейцев и китайцев нет никакой реакции, которую может обнаружить такое устройство, независимо от того, какую наглую ложь те говорят. Мы и они устроены по-разному.

Мы больше не можем быть столь тупыми, чтобы игнорировать значительные отличия в менталитете и инстинкте, которые отделяют нас от всех других рас – не просто от дикарей, но и от очень цивилизованных рас. Различия эти являются врожденными, и попытаться изменить образ мыслей этих людей с помощью аргументов, щедрости или святой воды столь же абсурдно, как попробовать изменить цвет их кожи. Это факт, который мы должны принять. Однако можно связать этот факт с христианской доктриной, если мы, малочисленное меньшинство среди очень многочисленного и ужасно плодовитого населения земного шара, называем все другие народы извращенными или злыми, то мы просто сбиваем с толку самих себя. Если мы должны думать объективно и рационально, мы должны делать это в духе Мориса Сэмюэла, который, после своего пронизательного и удивительно откровенного исследования «непреодолимой пропасти», отделяющей индоевропейцев от евреев, пришел к выводу, что «Это различие в поведении и реакции возникает из чего-то более серьезного и существенного чем различие верований: оно возникает из различия в нашем биологическом устройстве».

Мы не можем разумно ожидать от существ, по-другому устроенных, чтобы у них были наши инстинкты, или верить в это, как мы делаем, не больше, чем мы можем ожидать, что собаки научатся лазить по деревьям, или кошки станут лаять на залезших в дом воров. И давайте остерегаться слова «превосходство». Если оно означает, что мы выше с точки зрения наших собственных ценностей, то это – простая тавтология. Если же у этого слова есть объективное и практическое значение, то оно ставит вопрос, на который можно ответить только тогда, когда будущее покажет, какие народы выживут и какие погибнут в приближающейся борьбе за владение переполненным земным шаром.

Это не вопрос доктрины или пожеланий, и он не зависит от нашей веры или отсутствия веры. Независимо от того, каким может быть значение определенных пассажей в Ветхом Завете, Земля не плоская. Независимо от того, каким может быть значение определенных пассажей в Новом Завете, христианство не было для «всего мира». Земля – шар. Христианство – индоевропейская религия.

Глава третья

ХРИСТИАНСТВО СЕГОДНЯ

Если вы хотите сохранить нашу страну и нашу цивилизацию, вы должны считаться с двумя фундаментальными фактами.

Первый из них состоит в том, что 90% всей активной поддержки проамериканских усилий исходили от христиан.

В этом не может быть сомнений. Почти без исключения, все тысячи «консервативных» и «антикоммунистических» организаций, которые возникли и исчезли в течение последних пятидесяти лет, были определено христианскими, предлагающими защитить христианство и конституцию одновременно. Многие из самых активных организаций сегодня – евангелические, и они пытаются восстановить христианскую веру, проводя собрания, на которых неразрывно соединены Евангелие и патриотизм. Некоторые организации, определено созданные для того, чтобы сопротивляться или продвигать определенное законодательство, не поднимают религиозные вопросы открыто, но они считают христианство само собой разумеющимся. Единственными патриотическими организациями, являющимися явно нехристианскими, является маленький журнал «Truth Seeker» («Ищущий правду»), который из-за того, что он непочтительно выражается о евреях, теперь оказался в безвыходном положении, и одна малочисленная «активистская» группа в Калифорнии.

Это верно, что одна очень успешная рекламная кампания была основана одним талантливым торговцем, который начал с того, что с демонстрацией искренности признал, что он отверг веру в персонифицированного бога как ребяческую и предпочел неопределенный пантеизм, признавший во «всем человечестве» «движение вверх», подобное росту вверх растений. Но после тестирования рынка, он начал утверждать, что он обеспечил доктрину, которая была своего рода стимулирующей пилулей, хорошей для всех религий, и гарантировал, что она сделает покупателя лучшим христианином, лучшим фарисеем или лучшим мусульманином, в зависимости от обстоятельств. (В настоящее время в США нет буддистов, парсов, езидов, джайнов, шиваитов и тантристов с большими пачками банкнот, и при этом они не представлены богатыми нефтью правительствами за границей.) Единственный момент, который должен беспокоить нас теперь, – то, что организатор этой пропагандистской кампании точно измерил свой рынок. Из всех участников, которые прошли через его организацию в ее расцвете, по крайней мере, 80% были христианами, вероятно, 90% из тех, кто действительно работал и давал деньги до предела своих ресурсов.

Вы должны только посетить любое «антикоммунистическое» собрание, включая и самые искренние усилия, и самые мошеннические рекламные кампании, и поговорить с людьми, которые присутствуют там и дают пожертвования, чтобы убедиться в том, что почти все они христиане, и под этим я понимаю людей, которые действительно верят в Христа, отличаясь, конечно, от многих людей, которые посещают воскресные утренние клубы, потому что они думают, что это хорошо для бизнеса, политически целесообразно или занятно в общественном отношении. Нравится ли вам это или нет, но вы должны принять тот факт, что 90 % активной поддержки патриотических и псевдопатриотических усилий исходят от мужчин и женщин, у которых есть искренняя вера в Христа.

Больше двух десятилетий активная защита Запада почти полностью опиралась на плечи христиан во всех западных странах. И это было верно на всех уровнях. Я знаю, что сравнения пристрастны, но, чтобы объяснить мое мнение, я скажу, что, если мне нужно было бы выбрать одно периодическое издание на нашей стороне как имеющее наилучшую литературную обработку и интеллектуальное содержание, мне пришлось бы назвать «Découvertes», ежемесячный журнал чрезвычайно культурной группы непоколебимо христианских французов, теперь в Лиссабоне.

Это неудивительно. В течение почти пятнадцати столетий западная цивилизация была христианским миром, и, как показывают факты, которые мы всегда подвергали проверке, христианство в том виде, в каком мы его знаем, есть и всегда было индоевропейской религией, непостижимой для слаборазвитых умов примитивных рас и неприемлемой для пронзительных и хитрых умов восточных народов, у которых есть свои собственные цивилизации. Если это кажется вам доказательством от противного, подумайте о переходе в христианство скандинавских народов во времена раннего Средневековья. Они не были подданными какого-то христианского правительства, которое могло принудить их, и они не нуждались ни в какой христианской поддержке против кого-либо. Христиане, которых они при случае грабили, конечно, не стояли выше скандинавов в военном отношении. Да и институты и культура Темных веков не представляли собой что-то, чему викинги и варяги могли бы завидовать и хотели бы подражать. Их единственная причина отказа от холодно пессимистической религии Тора и Одина, должно быть, состояла в том, что христианство было более приятной и близкой по духу для их умов. *

Такие спонтанные переходы в другую веру – редкие явления во всемирной истории религий; самая близкая параллель – принятие декадентского буддизма китайцами, которые посчитали его благоприятным и подходящим для своего менталитета. **

* Одним историческим фактором, часто упускаемым из виду, была притягательность христианства для чувства истории у нашей расы. Норвежская теология была сборником не связанных друг с другом историй, по общему признанию мифических, так как скальды могли переделывать или уточнять их по своему желанию, о приключениях различных богов в Нифльхейме, Йотунхейме, Асгарде и других сферах вне известного мира и недоступных людям, с датами, не более определенными, чем «когда-то давным-давно». Христианство предложило обстоятельный и реалистический рассказ о событиях, которые имели место в отдаленных, но определенных и известных городах и географических районах в точно установленные времена во время господства известных римских императоров. Историчность рассказа далее обеспечивалась согласующимися, в общем, и предположительно независимыми показаниями четырех свидетелей, правдивость которых, в свою очередь, гарантировалась официальными сообщениями римских губернаторов, которые сами участвовали в кульминационной сцене (имеются в виду такие документы как «Акты Пилата» (Acta Pilati), «Послание Лентула» (Epistula Lentuli) и другие подделки, которые были приняты как подлинные на протяжении раннего Средневековья). Важным может быть и то, что «Послание Лентула» заверяет, что Христос выглядел как явно нордический человек: высокий, светлокожий, со светлыми волосами и голубыми глазами.

** Заметьте, однако, очень важное различие, что, хотя адаптация китайцами буддистской религии и дала, в конечном счете, большое количество новообращенных, она никогда не вытеснила даосизм и другие исконные культы, не говоря уже о широко распространенной доктрине Конфуция (которая фактически игнорирует сверхъестественное) и более ограниченной философии Fa Chia (фацзя) или легизма (который расценивает все религии как мифы, полезные для управления государством). Никогда не следовало бы говорить о Китае как буддистской стране.

Есть и второй факт, который вы тоже должны учесть. Западный мир больше не христианский мир. Религия, которая когда-то объединяла нас, стала верой меньшинства.

Это очевидно из того, что происходит здесь, в Америке, и в каждой стране Европы, кроме Испании и Португалии. Реальный вопрос состоит в том, насколько мало это меньшинство – христиане в Соединенных Штатах.

В 1942 году после очень тщательного исследования ситуации в Англии профессор Альфред Н. Уайтхэд пришел к заключению, что «сегодня во всей стране намного меньше одной пятой части населения является христианами в любом смысле». Есть очень небольшое различие в этом отношении между Англией и Соединенными Штатами. А сегодня?

Давайте переступим все доктринальные различия, какими бы важными они ни были, которые разделяют христианские церкви. Абсолютное минимальное требование к христианину – это вера в то, что Христос был буквально Сыном Божьим. Конечно, люди, у которых нет такой веры, могут обладать достаточной дерзостью, чтобы назвать себя христианами, как они могут назвать себя эльфами, марсианами или птеродактилями, но, если они это делают, они, очевидно, затевают какой-то обман или мошенничество.

Сколько взрослых американцев сегодня действительно верит, что Христос был Воплощенным Богом? Я консультировался с проникательными христианами несомненного благочестия и рвения, у которых были исключительные возможности проводить свои наблюдения во всех частях страны. Самая низкая оценка составляла 9%. Цифра, которую подтверждали лучше всего, была приблизительно 12%.

Из двенадцати процентов взрослых американцев, которые действительно верят в Христа, не все прилагают активные усилия в том или ином виде, чтобы защитить нашу страну и цивилизацию. Среди истинно верующих некоторые также полагают, что конец света близок; другие верят, что разрушение западного мира было назначено как заслуженное наказание за его грехи, и что было бы нечестиво противиться очевидной Божьей воле; а третьи вполне логично рассматривают события краткой жизни на земле как просто подготовку к спасению их душ. Я удивился бы, если больше половины остающихся христиан активно посвящают себя сохранению нашей страны. И все же эти 6% оказали почти всю поддержку антикоммунистическим действиям. Это то, о чем стоит подумать.

Мы должны определенно заметить, что меньшинство, все еще верящее, что Христос действительно был Сыном Божьим, не включает большинство людей, которые теперь вещают с кафедр воскресных утренних клубов, в том числе пропагандистскую цепочку, которой управляет Национальный совет церквей. Большинство профессиональных священников обучалось в теологических семинариях, в которых им преподавали, что христианская Библия – скопление подделок, совершенных людьми, слишком невежественными, чтобы писать связно, и наскоро соединенных вместе людьми, слишком глупыми, чтобы сделать из этого последовательную историю. Затем их учили, что Христос, если он существовал и не был просто мифом, порожденным неуклюжей переработкой истории ессеев об Учителе Иешу, был сумасшедшим агитатором, которому были приписаны, после его смерти, несколько хороших замечаний об этике и «социальной справедливости». *

* Христиане, которым хватает храбрости, чтобы размышлять над нынешним положением и теперь уже неизбежным будущим всех больших организованных конфессий, должны прочесть недавнюю книгу имеющего очень хорошую репутацию «библеиста», работы которого долго считались авторитетными в духовных семинариях: «Пасхальный заговор» доктора Хью Дж. Шонфилда (Passover Plot by Dr. Hugh J. Schonfield, 1965). Хотя его реконструкция метода, которым полоумный еврейский агитатор по имени Иисус пытался организовать поддельное чудо, является по общему признанию предположительной, его интерпретация характера и побуждений этого человека (при условии, что он когда-либо существовал), теперь принята во всех ее существенных моментах фактически всеми образованными священнослужителями, хотя, понятно, они могут предпочесть окутывать это облаками туманных формулировок, когда они увещевают людей, которые наполняют блюда для пожертвований каждое воскресенье. Тот Иисус, хотя он и был невежественным недотепой, считается достойным восхищения, потому что он был ранним большевиком, попытавшимся разжечь революцию, чтобы разрушить античную цивилизацию нашей расы и реализовать старую еврейскую мечту о Едином мире, которым управляет, конечно, богоизбранный народ.

Веря в это, но испытывая недостаток храбрости, чтобы найти себе какое-то другое честное занятие, эти жалкие бедняги посвящаются в духовный сан и оказываются в бизнесе, в котором их доход зависит от их способности не дать своей пастве уснуть или, по крайней мере, поддерживать в прихожанах такое настроение, чтобы те могли делать пожертвования каждое воскресенье, в то время как сами они должны заискивать и перед своими начальниками-атеистами, и перед хозяевами прессы и радио. Неудивительно, что они проповедуют «социальное евангелие». Некоторые из них, без сомнения, действительно верят в это, поскольку в действительности потеря религиозной веры просто оставляет много умов болезненно восприимчивыми к инфекциям самых гротескных суеверий. Некоторые не видят причины, почему они не должны торговать таким сортом трескучей чепухи, за который платят лучше всего. Некоторые, несомненно, жаждут революции и хаоса, чтобы отомстить за себя обществу, которое заставляет их напрягать свои силы на кафедрах проповедников, и, как викарий в незабываемом романе Дафны дю Морье «Трактир Ямайка» (Jamaica Inn), представляют самих себя как умных волков, проповедующих пастве ничего не понимающих тупых баранов. Это реальное объяснение того, что произошло с большинством наших церквей, и нет никакой потребности предполагать, что какой-то фантастически большой и хитрый заговор иллюминатов или других суперменов виновен в поведении священников, которые не верят в христианство.

Катастрофический упадок христианской веры является самым важным, переломным событием нашей новейшей истории. Даже самые глупые члены воскресных утренних клубов знают, что это произошло, но они попытаются отри-

цать это, сообщая вам, что Седьмая баптистическая церковь только что переехала в замечательное новое здание, которое стоит полмиллиона долларов, и архитектурно неотлично от ночного клуба, и что Пресвитерианская церковь Святого Олафа только что добавила гимназию за сто тысяч долларов к своим священным сооружениям.

Верующие христиане, с другой стороны, знают, что произошло, и сожалеют об этом. Но когда они пытаются объяснить причину катастрофы, то они, если они вообще узнают какую-то естественную причину, обычно обвиняют евреев. Это, я думаю, несправедливо и, что еще намного хуже, неправильно и поэтому опасно.

Самый всесторонний и академический обзор еврейского давления на христианство и проникновения евреев в него с самых ранних времен – это работа одного из наиболее компетентных церковных историков наших дней, и теперь она доступна в сносном английском переводе: «Заговор против церкви» Мориса Пине (The Plot Against the Church by Maurice Pinay). Практический захват католической церкви в последние годы, который восхвалялся в статьях в журнале «Look» и других периодических изданиях, толково описан виконтом Леоном де Понсином в его книге «Иудаизм и Ватикан» (Judaism and Vatican by Leon de Poncins). Ни один протестантский ученый, насколько я знаю, не сделал сопоставимого исследования протестантских конфессий. Было бы трудно возражать против описания исторических фактов в двух книгах, которые я упомянул, и позволить нам сомневаться в выводах их авторов. Адекватно ли объясняют они упадок христианства?

У меня нет никакого желания защищать евреев, и я не буду задавать вопрос, полностью ли разумно обвинять их в том, что они продвигали собственные интересы своими собственными методами везде, где они создали колонии среди населения, которое они считают настолько ниже себя самих, очень похоже на то, как наши предки оценивали аборигенов Северной Америки. Пусть евреи будут такими злыми, жестокими и дьявольскими, как вам это нравится, но давайте рассматривать религиозный вопрос объективно, чтобы ошибка не повела нас по ложному пути с ошибочными надеждами.

Если мы, с нашей нынешней позиции, беспристрастно оглянемся назад на историю нашей религии, то мы можем различить, на расстоянии тысячи лет и больше, происхождение нашего сегодняшнего тяжелого положения. Я не имею в виду сектантство и ереси: они совершенно нормальное явление во всех евангелистских религиях. В исламе, например, разнообразие сект общеизвестно, и к тому времени, когда буддизм стал религией во втором столетии до нашей эры, в нем уже было восемнадцать основных сект, каждая из которых, конечно, пре-

тендовала на то, что является единственной хранительницей истинной доктрины. Христианство отличается только своей относительной стабильностью. В течение двенадцати веков, с 325 года нашей эры, когда его доктрина приняла свою форму во всех ее основных элементах, до протестантской Реформации в шестнадцатом столетии, эта религия Запада представляла собой практически единое целое, и это единство не могли серьезно поколебать такие спорадические ереси как альбигойцы и вальденсы, патарины и гуситы.*

* Нас здесь не интересуют теологические конвульсии византийской («Православной») церкви, которая, как мы заметили ранее, была радикально другим видом религии, наполненной левантийскими элементами, отвергнутыми Западом, и таким образом обращаясь к отличающимся в расовом отношении людям. Обсуждение происхождения, степени и относительной важности еврейских и других левантийских элементов в ранних христианских доктринах, постепенной замены таких элементов на Западе и их рецидивов в некоторых ересьях обязательно было бы долгим, запутанным и несколько невразумительным. Мы не можем затрагивать эту тему здесь, где нас интересует христианство в том виде, в котором оно, в общем смысле, было понято и принято нашей расой. Дебаты о том, поняли ли наши далекие предки его правильно, или должны были принять то, что они сделали, были бы не важны и бесполезны для наших нынешних целей.

Христианство, как мы уже сказали, это индоевропейская религия, и поэтому оно было принято и понято на основе нашего менталитета и мыслительных процессов, специфически свойственных нашей расе. Наши умы, в отличие от умов других рас, требуют, чтобы все элементы доктрины были логически совместимы друг с другом и соответствовали наблюдаемой действительности. У интеллектуальных усилий ранних отцов церкви, которые трудились над тем, чтобы создать установленные, авторитетные тексты и устранить противоречия, есть некоторые аналогии в других религиях, но средневековая схоластика уникальна. Эта великая философская попытка понять мир вокруг нас не имеет никакого отношения к ереси или даже к скептицизму; это было, как один из схоластов определил это, *fides quaerens intellectum* (вера, ищущая понимания); она была продолжена церковниками, и, как мы слишком часто забываем, сопровождалась математическими исследованиями и эмпирическим наблюдением за природой. Есть много историй схоластики, и хороший общий обзор можно найти во втором томе стандартной «Истории философии» Юбервега (Ueberweg). Есть некоторые очень интересные наблюдения относительно поздней схоластики в первом томе «Истории культуры Нового времени» Эгона Фриделя (Cultural History of the Modern Age by Egon Friedell). Истории науки Сартона (Sarton) и Торндайка

(Thorndike) довольно хорошо рассматривают средневековый период. Читатель, однако, посчитает сущность этого предмета наиболее ясно представленной в блестящей работе Лоуренса Р. Брауна «Мощь Запада», которая не только собирает воедино факты, искусственно разделенные в других трудах, но идентифицирует в его средневековом происхождении великое напряжение современной мысли. Христианство принесло с собой из Малой Азии чуждые элементы, которые, в общем, были преимущественно проигнорированы, но они остались скрытыми в его священных книгах и догмах, предельно несовместимых с врожденной потребностью западного человека познавать материальный мир и овладеть им, и далее были осложнены историческими случайностями. Именно это дало нам, как замечает господин Браун, «общество, внутренние воззрения которого находились в безнадежном противоречии с направленными наружу заявлениями, которые вынудили его сделать события истории». Мы должны только добавить, что этот конфликт стал еще более острым с наступлением Ренессанса и оказался одной из скрытых причин Реформации и первой европейской гражданской войны.

От Ренессанса до настоящего времени мы, люди Запада, должны были наблюдать постоянно увеличивающееся несоответствие между принципами нашей религии и наблюдаемыми явлениями мира, в котором мы живем, и в течение прошлого столетия эти несоответствия стали катастрофическими.

Можно перечислить шестнадцать интеллектуальных факторов, которые способствовали упадку христианства, но самыми важными были четыре, все из которых возымели свое действие на протяжении последних ста лет:

- 1) Восстановление археологическими раскопками большой части истории Ближнего Востока.
- 2) Осмысление большой физиологической и анатомической схожести людей с вымершими человекоподобными видами и существующими антропоидами (человекообразными обезьянами), целостное формирование ясной эволюционной последовательности.
- 3) Констатация того, что Земля, по крайней мере, на миллиард лет старше, чем Сотворение мира, постулируемое христианской доктриной.
- 4) Самый важный фактор из всех, возможно, это осмысление размера вселенной. Одно дело просто назвать вселенную бесконечной; а другое – знать, что существуют галактики, настолько отдаленные, что свету от них, летящему со скоростью больше одиннадцати миллионов миль в минуту, потребовалось бы восемь миллиардов лет на то, чтобы достичь нас.

Христианские богословы, разумеется, предложили неисчислимы объяснения этих несоответствий. Некоторые из них были прямолинейными попытками встретиться с этими проблемами лицом к лицу, самой лучшей из которых, что я видел, была книга «Потоп Бытия» (The Genesis Flood), написанная профессором Джоном К. Уиткомбом -младшим (John C. Whitcomb, Jr.) из семинарии Grace Theological Seminary и профессором Генри М. Моррисом (Henry M. Morris) из Вирджинского политехнического института (Virginia Polytechnical Institute). Некоторые представляют собой эксцентричные усилия вызвать бога из постоянной Планка или выжать его из (гипотетических) сокращений Лоренца. И некоторые достигают уровня книг, которые Тейяр де Шарден, должно быть, написал, думая совсем не то, что писал. Но нас здесь не беспокоит аргументированность ни одного из этих христианских объяснений. Важный факт состоит в том, что они не убеждают никого, кроме христиан. Возможно, они должны убеждать и других, но не убеждают.

Это основная причина ослабления христианской веры, и вы не можете обвинять евреев в этом. Очень маловероятно, что евреи заранее подсовывали каждую глиняную табличку с надписями, найденную землекопами в Малой Азии, и можно быть совершенно уверенным, что они не создавали квазары или даже большую галактику в созвездии Девы. Вина, если таковая вообще существует, должна полностью пасть на нашу расу – на философский менталитет и фаустовскую волю, которые отличают нас от всех других рас, и которые одни только сделали возможным глубокомысленные и сложные установления фактов, подорвавших нашу веру. Четыре интеллектуальных фактора, которые я упоминал выше, и одиннадцать из двенадцати других, на перечисление которых у меня здесь не было места, все зависят от фактов, для установления которых ни у какой другой расы не было способности или желания – фактов, кроме того, которые все другие расы либо не могут постигнуть, либо считают их незначительными и не важными для их расового менталитета.

Отречься от западной науки означает просто фигурально вышибить нам мозги, как наши колдуны, шаманы, заклинатели и другие «либеральные интеллектуалы» хотели бы, чтобы мы поступили. И если мы на Западе делаем это в переносном смысле, то мы все можем также сделать это и буквально, избежав тем самым окончательного страдания и деградации, ожидающего нас в будущем.

Я начал это беглое обсуждение, сказав, что не имеет значения, христиане мы или атеисты, пока мы прямо смотрим в лицо фактам, считаемся с ними и объективно рассуждаем о них. Как разумно мыслящие люди, все, что мы можем сделать, это измерить последствия пагубного падения веры – ибо это бедствие даже еще больше, чем большинство христиан предполагает – и установить, с помощью каких способов (и есть ли они) мы можем надеяться пережить это.

Глава четвертая

ПРЕДСКАЗУЕМОЕ БУДУЩЕЕ

Христианский мир больше не христианский. Вера в то, что Христос был буквально Сыном Божьим, которая доминировала в западном мире в течение пятнадцати столетий и практически объединяла всех людей нашей расы на протяжении десяти веков, превратилась в веру меньшинства.

Тщетно жалеть о том, что это бедствие произошло, и бесполезно пытаться обвинять наших врагов в этом, какими бы хитрыми и злорадными они ни были. Потому что это наша судьба – судьба, которая биологически свойственна нашей расе и является единственным источником нашего величия и силы, позволившей нам до настоящего времени выжить в мире, в котором мы представляем малочисленное и ненавистное для всех меньшинство – думать философски о внешнем и материальном мире и искать объективную правду, чего бы это ни стоило нашему тщеславию или комфорту. Как говорит Лоуренс Р. Браун в книге, которую я упоминал выше: «То, во что было легче верить, чем познавать, никогда не было тем, что создало уникальное величие нашего общества. Не утешительное удовлетворение внутренней веры, но потенциальное унижение внешнего факта было последним стандартом истины на Западе». И это было основной причиной затухания того, что когда-то было нашей общей верой.

Поэтому мы не можем в обозримом будущем ожидать увеличения численности верующих христиан, количество которых теперь (книга писалась в 1969 и была дополнена в 1972 году – прим. перев.) составляет приблизительно 12% взрослых американцев. Наоборот, постепенное уменьшение возможно и при некоторых обстоятельствах, вероятно, так как большинство этих верующих в настоящее время являются людьми среднего возраста или старше. *

* Мне не нужно замечать, что не следует принимать всерьез небольшие группы истеричных подростков, которые иногда пытаются привлечь к себе внимание, появляясь из коммунальной нищеты своих кибуцев и вопя «Иисус!» вместо «Мир во Вьетнаме!» Хотя некоторые предприимчивые дельцы в евангелистском бизнесе рекламируют такие вспышки как предвестники «возрождения веры», довольно ясно, что молодые изгои, если они не балуются простым эксгибиционизмом, руководствуются галлюцинациями, которые обычно происходят в умах, которые сгнили из-за наркотиков, теперь обычно используемых детьми в государственных школах, в основном марихуаны, мескалина, диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД) и героина. Лихорадочное возбуждение изгоев, «подсевших на Иисуса», это просто вариация их слабоумного энтузиазма по поводу всего оккультного и окутанного тайнами, включая колдовство, черную магию, сатанизм,

астрологию, толкование снов, некромантию и неисчислимые переделки различных восточных культов. Более тревожными представляются сообщения о колониях молодых людей, которые, как говорят, без помощи галлюциногенных наркотиков обмениваются мыслями с превосходящей расой на Юпитере, беседуют с посещающими их призраками, или имеют наверху своего черепа экстрасенсорное отверстие, через которое Святой дух нашептывает им указания. Как и «хиппи», эти неудачники обычно – выпускники фабрик по выпуску уцененных дипломов, которые все еще называют «университетами». Это факт, который будет очень важен для тех, кто не боится думать об этом.

У нас нет никаких причин ожидать решительных и революционных изменений в области научных доказательств – открытия, например, что Земля прекратила вращаться вокруг своей оси в течение одного или двух дней, когда израильтяне вторглись в Ханаан, или того, что звезды за пределами Солнечной системы – это оптический обман. Правильно это или неправильно, но очень много людей с интеллектуальной честностью не могут теперь разглядеть какие-либо доказательства существования во вселенной какой-то мыслящей силы, стоящей выше человека, и как раз потому что они – люди с интеллектуальной честностью, они не собираются менять свои выводы в отсутствие каких-либо радикально новых доказательств, которые были бы интеллектуально убедительны для них. И именно потому, что они люди нашей расы, которые рассуждают о беспристрастно установленных данных, их вряд ли поколеблют эмоции разглагольствующих евангелистов, и они будут просто чувствовать отвращение к попыткам приравнять «атеизм» к «коммунизму».

Никто не сомневается в том, что сила человека, которая в практическом смысле означает силу нашей расы, является на самом деле небольшой. Мы и наша планета, и вся наша Солнечная система – бесконечно малые пятнышки в галактике, которая сама является незначительной частью известной нам вселенной. Никто не сомневается, кроме того, и в том, что для многих явлений у нас еще нет никакого удовлетворительного объяснения. Но знание не может быть получено из того, что неизвестно, и обожествлять известные силы природы означает прибегнуть к притворной уловке, мало чем отличающейся от уловок Эпикура. В 1930-х годах Леопольд Циглер думал, что второй закон термодинамики был довольно удовлетворительным «богом», и другие применяли этот термин к биологической эволюции к более сложным органическим формам, к факту человеческого сознания, к инстинктам, найденным в одной или более расах, которые кажутся аналогичными тому, как растущее растение тянется к солнцу, борясь за солнечный свет, к теориям неопределенности или четности в субатомной физике, и большому разнообразию других явлений. Но ни один внимательный христианин не будет этим обманут. Его Бог – это сознательное, мыслящее суще-

ство, личный, персонифицированный бог, бог, который знает отдельного человека и заботится о нем; Он – Бог, которому можно молиться.

Люди молились Солнцу, когда они верили, что этот сверкающий шар был обладающим сознанием существом, которое могло услышать их; но никто не молился Великой Тайне, что [уравнение не может быть отображено – редактор]. Христиане справедливо расценивают различие между атеистом и «пантеистом» сегодня как различие между шестью яблоками и полудюжиной. Они не могут получить утешения из благоразумных ухищрений некоторых авторов.

Христиане, очевидно, правы, когда они настаивают, что, если бы мы и другие западные страны все еще были бы христианскими странами, мы не оказались в нашей нынешней катастрофической ситуации. У нас были бы другие трудности, конечно; мы должны были бы, без сомнения, продолжать ссориться между собой, и нам пришлось бы столкнуться, как и теперь, с открытой враждебностью или тайной ненавистью со стороны остальной части мира. Но если бы мы, западные люди, все еще были христианскими нациями, нам вовсе не нужно было бы беспокоиться по поводу международных банкиров, иллюминатов, большевиков, евреев, «либералов» или любой другой внутренней угрозы, которую вы могли бы назвать или вообразить. Одно признание этого факта, однако, не сможет породить религиозное возрождение. Такова особенность нашего индоевропейского ума, что для нас правда не доказывается ни удобным утешением, ни личным интересом. Мы не можем думать, что какое-то суждение объективно истинно только потому, что нам хотелось бы, чтобы оно было истинным, или потому что наша личная безопасность зависит от этого. Поэтому никакое описание нынешней опасности не может создать веру.

Есть ли какая-то надежда на существенное увеличение меньшинства, которое теперь верит, что Христос был Сыном Божьим?

Некоторые христиане ожидают, что нынешняя тенденция полностью переменится неким божественным вмешательством, но есть мало согласия о природе ожидаемого чуда. Одни ожидают второго пришествия Христа, которое представит видимые свидетельства истинности христианской доктрины и таким образом начнет волну перехода в христианство, в то время как другие рассчитывают на применение Богом какой-то психологической силы, которая заставит людей передумать и вынудит их поверить в то, что теперь кажется им неразумным. Другие как положительное явление ожидают практически полную потерю веры с удивительной внезапностью. Весьма часто каждый сталкивается с кем-то из христиан, обычно с дамой, которая совершенно уверена, что в один прекрасный день в самом ближайшем будущем она и 499 других людей взлетят вверх в атмосферу, очевидно, на уровень выше кучевых облаков и ниже перистых обла-

ков, и будут парить там в экстазе, пока остальная часть населения Земли будет заслуженно уничтожена серией катастроф. Но большинство христиан, я уверен, не рассчитывают на грядущие чудеса.

Общее основание для надежды, в лучшем случае, сомнительно. Мы, американцы, по причине нашего безумия скоро подвергнемся большим физическим страданиям: насилию в семье, экономическому краху, вероятно, в некотором роде голоду, вполне возможно, завоеванию иностранными захватчиками и местными революционерами. Это верно, как доказывает история, что такие несчастья обычно вызывают возрождение религии, и многие христиане ожидают такого эффекта здесь. Это маловероятно в том будущем, которое мы можем предвидеть. С одной стороны, исторический эффект требует непрерывных и длительных страданий – тридцать лет или больше. Крестовый поход для спасения Советов в 1939 – 1945 годах причинил большое страдание многим странам Европы, особенно Германии и Польше, но не породил существенного религиозного возрождения. Во-вторых, если такой эффект и должен быть, он, вероятно, не принес бы пользу христианству. Протестантские церкви в целом слишком долго позорились «розовыми» (умеренными левыми – прим. перев.) и мерзавцами из Национального совета церквей. Католическая церковь теперь совершает самоубийство, отказываясь от своих собственных доктрин и превращая свои традиции в шутовские пародии.

С другой стороны, в глазах неверующих религия теперь была скомпрометирована нелепыми выходками большей части профессионального духовенства, и, несмотря на примечательную лояльность «традиционалистских» и «фундаменталистских» меньшинств, вероятно, что грядущие бедствия – несправедливо, но объяснимо – заставят христианство казаться религией, которая потерпела крах. Таким образом, любое возрождение религиозности пойдет на пользу культам, у которых будет привлекательность новизны и нового «откровения», возможно, включая какую-нибудь доктрину метемпсихоза (переселения душ).

Поэтому текущая ситуация дает нам очень небольшую надежду на то, что эта ситуация скоро изменится. Таким образом, мы должны считаться с этим, независимо от наших личных желаний или убеждений.

Видимые последствия увядания нашей религии являются огромными, мрачными, пугающими. Христианство было чем-то намного большим, чем религия, в сравнении с религией Осириса в раннем Египте, с поклонением богам Олимпа, Орфическими мистериями или с митраизмом. В отличие от тех культов в их время и место, христианство на протяжении значительной части нашей истории было целым формальным основанием всей нашей культуры, абсолютом, из которого были выведены наши моральные кодексы, наши законы и наши полити-

ческие системы; оно в значительной степени наполняло наше искусство, вдохновляло нашу литературу, оживляло нашу музыку и поддерживало наших ученых мужей. Пустота, которая осталась, настолько велика, что немногие могут всмотреться в темную пропасть без головокружения.

Однако никак нельзя рационально уклониться от вопроса, на который может быть только два ответа. Действительно ли Христос был Сыном Божьим?

Христиане отвечают: Да. И в этой вере они нашли свои жизни.

Большинство взрослых сегодня, включая большинство людей, которые занимаются бизнесом на кафедрах проповедников, отвечают: Нет. Этот отрицательный ответ не может быть прикрыт пустословием о «Великом Учителе», «социальном видении», «моральной серьезности» и т.п. Никак нельзя убежать от логики.

Если Христос не был Сыном Божьим и воплощением Бога, то он, судя по имеющимся материалам, был сумасшедшим с манией, состоявшей в том, что он себя считал Сыном Божьим. И представления такого сумасшедшего о морали и справедливости просто ничего не стоят. От этой простой альтернативы наше «модернистское» духовенство пытается убежать, утверждая, что все пассажи, в которых Христос говорит о своем собственном божественном происхождении, или где даны чудесные доказательства этого, представляют собой подделки, придуманные неловкими людьми, сделавшими такие «топорные» вставки. Но если это верно, то нет ни одного пассажи, который свободен от подозрений в подделке, и мы должны сделать такой же вывод, который сделал и отец Луази в своем известном труде «Le mystère chrétien» («Христианская тайна», 1930), что не существует никакого достоверного сообщения о том, что Иисус сказал – и в действительности нет никакой уверенности, что Он, как и слова, приписанные ему, сам не является лишь выдумкой неловких людей, «сделавших вставки». В самом лучшем случае, если Христос не был буквально Сыном Божьим, то его мнения куда менее ценны, чем мнения образованных, серьезных и вдумчивых людей, таких как Аристотель, Цицерон, и Марк Аврелий в античности, и в современные времена, таких как Дэвид Юм, Артур Шопенгауэр и Эрнест Ренан. От этой ясной альтернативы некуда скрыться, кроме как спрятаться за пустой болтовней, вроде той, которую используют цирковые фокусники, чтобы отвлечь внимание аудитории от своей ловкости рук.

Если Христос не был буквально Сыном Божьим, то вся этика, на которую наша цивилизация сознательно опиралась так долго, кажется, разрушается, исчезает как иллюзия, столь же необоснованная, как древняя идея, что Земля плоская. И этот очевидный распад включает всю древнюю индоевропейскую этику, которая руководила нашими народами на протяжении многих столетий, предшествовав-

ших принятию нами христианства.* Очевидно, что именно это и происходит – уже произошло сегодня, когда мы всюду наблюдаем скрытый и явный отказ от любой морали – не только от христианского учения, но и от предшествующей ему и основополагающей этики, без которой цивилизация категорически невозможна. И, что вызывает даже большее уныние, похоже, что уже не осталось никакого фундамента для любой этики.

* Христианство, конечно, ввело очень немного того, что было новым в практической этике, управляющей человеческим поведением в обществе. Большая часть этой практической этики не только была традиционной у нашей расы, но и была общепринятой для большинства цивилизованных обществ, включая самые древние из них, о которых у нас есть достаточные знания. (Священники, которые дерзко говорят о «иудеохристианской этике», пытаются произвести впечатление, что запрет на воровство, супружескую измену и т.д. в Десяти Заповедях был каким-то поразительным и чудесным изобретением, но если бы они были честны, то они в этой связи говорили бы о «шумерско-христианской этике».) Вероятно, единственным элементом, который можно было бы справедливо назвать христианским новшеством, был большой акцент на прощение как на обязанность, а не как на акт необязательного великодушия. (Христианская доктрина поощрений и наказаний после смерти склонялась к внедрению в жизнь соблюдения целого морального кодекса, но это другой вопрос.) Исторические предшественники, однако, не помогут нам теперь, поскольку наша религия так долго расценивалась как единственный фундамент для этики и уникальный источник всего правильного поведения, что более ранние традиции исчезли, за исключением лишь того, что мы все еще инстинктивно расцениваем определенные действия как постыдные. Даже эти чувства, однако, могут быть сознательно подавлены как «пережитки суеверия» людьми, которые сильно противодействовали религии и гордятся тем, что «освободились» от нее.

В течение долгого времени люди, кроме нескольких романтических и евангелистских атеистов, соглашались с тем, что жизнеспособная этика должна быть основана на религиозной вере. Гесиод, жизнь которого некоторые ученые датируют девятым веком до нашей эры, предупреждал судей своих времен, что у Зевса было 30 000 невидимых и бессмертных наблюдателей, которые путешествуют по всему миру и сообщают о плохих поступках людей. Один пронцательный человек, письмо которого пришло ко мне вчера, отмечает, что, «к сожалению, большинство людей должно чувствовать, что за ними следит какая-то высшая, сверхъестественная сила».

Для Аристотеля, Платона и Цицерона цивилизованное общество должно было быть основано на общепринятой и однородной религиозной вере. И, за редким исключением, вдумчивые нехристиане нашего мира придерживались того же

мнения. Ренан, например, прощался с христианством с элегической печалью и глубоким предчувствием: «Зловещим является то, что мы не можем предвидеть в будущем какие-то средства, дающие людям нормы поведения, которые те в большинстве своем примут. ... Я откровенно признаю, что не могу вообразить, как будет возможно восстановить, без древних иллюзий, основы благородной и безмятежной жизни».

На совершенно другом уровне прагматически настроенный и циничный Август считал религию обязательным основанием политической стабильности, и у многих правителей и государственных деятелей, до него и после него, был такой же взгляд. И некоторые из самых острых умов в мире сделали выводы, которые Макиавелли, возможно, выразил наиболее прямо:

«Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом. Это легко уразуметь, зная, на чем основана религия, рождающаяся вместе с людьми; ведь жизнь всякой религии поддерживается каким-нибудь ее главным принципом. ... Поэтому главам республики или царства надобно сохранять основы поддерживающей их религии. Поступая так, им будет легко сохранить государство свое религиозным, а следовательно, добрым и единым. Им надлежит поощрять и умножать все, что возникает на благо религии, даже если сами они считают явления эти обманом и ложью. И им следует поступать так тем ревностнее, чем более рассудительными людьми они являются и чем более они сильны в познании природы».

Сейчас уже слишком поздно принимать во внимание предостережение Макиавелли. Бедствие, которое он предчувствовал, обрушилось на нас.

Тщетно мечтать о религии, которая должна заменить христианство. Идея Огюста Конта о «Религии человечества», благодаря которой прихожане переполняли бы храмы, чтобы почитать Генри Форда, Томаса Эдисона и Вернера фон Брауна как «благодетелей», была одной из идей, которые возникли в нем, когда на нем не было смирительной рубашки. Но уже одна эта идея должна была дать понять его друзьям и санитарам, что эту самую смирительную рубашку необходимо было на него натянуть. Правда, были и серьезные предложения вполне нормальных людей, которые, однако, кажется, забывают о том, что религия должна быть основана на вере, а не на предположении или психологических особенностях. Капитан Энтони Лудовичи – очень умный и серьезный человек, и когда он писал свою «Религию для неверующих» (*Religion for Infidels by Anthony Ludovici, 1961*), он, должно быть, знал, что его «рациональная религия» могла привлечь

лишь немногих людей, и не имела вообще никакого шанса удовлетворить потребности нашего общества в объединяющей вере.

Если вера христианского мира была ошибкой, то чужие боги не могут внушить никакой истинной набожности – даже в тех маленьких кругах, где они могут стать мимолетной модой. Восточные культы, которые заставляют богатых вдов сиять радостью и выписывать чеки, не для мужчин. Христианство незаменимо.

Глава пятая

ПОСЛЕДСТВИЯ

Не больше 12% взрослых американцев верят, что Христос был Сыном Божьим. Не более половины этого меньшинства к настоящему времени обеспечили от 80% до 90% всей поддержки, оказанной «консервативным» и «антикоммунистическим» усилиям. Таким образом, существует еще один фундаментальный факт, который вы должны принять во внимание, если хотите сохранить нашу страну и нашу цивилизацию.

Если бы большинство мужчин, включенных в те 6%, было физически здоровым и энергичным, дисциплинированным и хорошо обученным методам партизанской войны, оснащенным необходимым оружием (включая, в дополнение к автоматическим винтовкам, пулеметам и минам, таким устройства как инфракрасные приборы ночного видения), и готовым беспощадно сражаться под единым командованием, то они могли бы отвоевать, вернуть себе Соединенные Штаты.

Если бы эти 6%, пусть и не способные к военным действиям, сформировали группу, которая не только вносила бы деньги и работала на пределе своих сил и голосовала как единый блок, но также, под командованием своих лидеров, могла бы поддерживать и распространять пропагандистскую линию, которую эти лидеры посчитали бы наиболее целесообразной в конкретный момент, даже при том, что эта линия была ложной и противоречила бы всему, во что они как индивидуумы верят, и, кроме того, по приказу проводила бы политическую работу в пользу кандидатов, политическая болтовня которых полностью противоречила бы тому, что они как индивидуумы хотят, то они своими постоянными усилиями за многие годы могли бы вернуть себе страну с помощью заговорщической тактики.

Однако очевидно, что активное христианское меньшинство неспособно ни на один из этих всего двух видов действия, которые только и могли бы принести успех. Это меньшинство, кроме того, неспособно даже к соглашению на какой-

либо эмоциональной основе, поскольку оно разобщено, расколото реальными и важными доктринальными различиями, и любое согласие, которое может быть установлено среди христиан, всегда может быстро разрушиться даже самым незрелым и грубым возбуждением сектантских эмоций. Даже теперь один из самых влиятельных христианских «антикоммунистических» проповедников время от времени изменяет свое послание с ясными намеками на то, что Папа Римский – Антихрист. Остающиеся христиане в католической церкви, веря в ее традиции, сегодня больше, чем когда-либо чувствительны к протестантству, теперь, когда они видят, что их церковь прибегает к дешевым пародиям на протестантские богослужения как часть ее усилий совершить самоубийство. «Фундаменталистские» протестанты часто ссорятся по вопросу, мигрировали ли определенные племена израильтян в Северную Европу или на Британские острова после того как они предположительно были захвачены в плен вавилонянами. И один евангелист с очень известным именем и маленьким количеством сторонников в настоящее время призывает, чтобы все евреи, проживающие в Соединенных Штатах, были убиты «в одном округе за другим» без промедления, и в самом резком тоне осуждает всех, кто настолько слабо верит в Священное писание, что сомневается относительно успешной осуществимости предложенной «чистки» уже в этом году.

В поисках наиболее содержательного определения мы определили христиан как людей, у которых есть прочная вера в то, что Христос действительно был Сыном Божиим. Но каждый христианин обязательно верит во что-то еще, и это разнообразие веры в другие принципы превращает христианское меньшинство во множество групп, которые неспособны к длительному единству цели и не могли бы действовать эффективно, даже если у них были бы средства для действия. Крестовые походы были возможны в те времена, когда Вера в Христа могла примирить и объединить многочисленные и хорошо укомплектованные армии опытных воинов, готовых бить и уничтожать язычников и доказывать свою веру мечом, но сегодня предположение, что христиане могли бы начать крестовый поход, просто смехотворно.

Если христиане и другие американцы действительно хотят выжить как американцы, а не как ожесточенные, доведенные до звероподобного состояния и отупевшие феллахи, презираемые рабы чужаков и международного супергосударства, то они должны серьезно подумать о 88% нехристиан их расы в Соединенных Штатах. Нас здесь интересуют только те христиане, которые готовы приложить эти усилия, и мы хорошо знаем, что многие сочтут намного более интересным продолжать разглагольствовать друг с другом, бить по клавишам своих пишущих машинок, цитировать Священное писание и пререкаться о том, что это означает, и еще давать свои деньги любому умному пропагандисту, который

своими разговорами обещает совершить точно то чудо, которое сделало бы их счастливыми.

Так что же насчет 88%?

Самая логичная альтернатива христианству – очевидно, атеизм, под которым мы понимаем веру в то, что, по всей вероятности, во вселенной не существует персонифицированного бога, к которому можно адресовать молитвы, и у которого есть сознательные цели. Если та вера, которая была почти всеобщей среди членов нашей расы в течение очень многих столетий, была вымыслом и заблуждением, то априорно очень маловероятно, что Аполлон, Один, Вишну, Дионис или любой другой Бог-Спаситель является в меньшей степени мифом и фантазией, чем христианский бог. Если вера, которая вдохновляла нашу расу на протяжении такой большой части ее зафиксированной истории, была просто вымыслом переутомленного воображения, то очень вероятно, что вера в любую замену христианства – аналогично продукт того же самого воспаленного воображения. Тот, кто считает христианство невероятным, должен, по крайней мере, в одинаковой степени подозревать все другие откровения, и прийти к заключению, что, насколько мы можем установить, нет никакого бога, никакой разумной силы во вселенной, выше человека. Только это разумно.

Поэтому странно, что мы сегодня так мало слышим об атеизме. Существует, разумеется, небольшое количество евангелистских атеистов, которые посвящают себя распространению благой вести о том, что никакого бога нет. Они лучше всего представлены небольшим периодическим изданием «Truth Seeker», который не пользуется достаточной поддержкой, чтобы продолжить публикацию в традиционном типе набора и поэтому должен был прибегнуть к фотоофсетному копированию экземпляра, подготовленного на обычной пишущей машинке. Было бы большим преувеличением оценить количество открытых и активных атеистов половиной процента от нашего взрослого населения. И каждый подозревает, что их число устойчиво уменьшается.

Верно, однако, и то, что сомнение в религии и ее опровержение – это давнишняя и древняя тенденция у нашей расы, и она очень тесно связана со специфически свойственной нам способностью объективно размышлять о мире, в котором мы живем, и о нашем опыте в нем.*

Я не буду утверждать, что атеизм является таким же отчетливо индоевропейским, как христианство, поскольку я сомневаюсь, что такой аргумент может быть доказан. И я не буду выдвигать более обоснованное утверждение, что атеизм западных умов, в общем, отличается от проявлений неверия в других расах, поскольку это повлекло бы за собой длинный экскурс о Китае, с особым

рассмотрением доктрин Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, и, самой важной из всех, философии легизма или «фацзя».** Понадобился бы и второй экскурс о «фаласифа», которые короткое время процветали в исламском мире и включали истинных семитов из Южной Аравии. И затем, по крайней мере, третий экскурс об атеизме, который настолько широко распространен среди евреев сегодня. Я просто напомню вам о двух моментах в истории Индии, и предложу вам поразмышлять над их значением.

* Может быть уместно напомнить, что во времена эпохи викингов много людей, включая даже некоторых королей, признавались, что они были атеистами (godlauss – безбожные), и открыто высмеивали скандинавскую теологию; еще больше, без сомнения, довольствовались тем, что держали свои мнения при себе.

** Я отмечу мимоходом, что, хотя фацзя, которую я упоминал в одном из предыдущих примечаний, была политической философией, ограниченной интеллектуальной элитой на властных позициях, она практически доминировала в практике китайских правительств с третьего столетия до нашей эры до нынешнего времени, за исключением сравнительно коротких перерывов. Это, кажется, полностью неизвестно журналистам, и «либеральным», и «антикоммунистическим», которые производят книги о нынешнем режиме на Формозе (Тайвань) и на материке, игнорируя расовые детерминанты монгольского ума и притворяясь, будто у китайцев есть какая-то тяга к «демократии» и другим абстракциям, которые являются эффективной приманкой для избирателей в Америке. Лучшее, что можно сделать с такими книгами, это, не открывая, выбросить их в мусорное ведро; это экономит время и бережет глаза.

(Под «монголами» автор здесь понимает не монголов-халха, а монголоидную расу вообще. – прим. перев.)

Если вы будете искать в летописях человечества параллели строгого материализма и сопутствующего атеизма, который является предпосылкой очень значительной части доминирующего мышления нашего времени и просто считается само собой разумеющимся многими из наших лучших умов, то самую близкую параллель вы найдете в философии под названием «локаята», следы которой сохраняются в «почти самых старых» частях Махабхараты, в Артхашастре, и в нескольких других древних трудах на санскрите. Вполне ясно, что этот фактически научный материализм процветал в то время, когда арийские завоеватели Индии были в полноте своей власти, и исчез почти полностью, как будто бы его никогда не существовало, когда туземцам этого субконтинента с помощью таких методов, как смешение рас, подражание в военном деле и использование раздоров, удалось сломать арийскую власть и расовое сознание.

В конце шестого века до нашей эры молодой арийский принц по имени Сиддхартха, несомненно, под влиянием локаята, распространенной в интеллектуальных кругах, развил атеистический пессимизм, который отличался от строгого материализма только предположением, что воля к жизни отдельного человека (в отличие от его ума и индивидуальности) может пережить его смерть. Этот палингенез воли (который нужно четко отличать от перевоплощения души) поразительно напоминал основу современной философии Шопенгауэра, и Сиддхартха, уступая нашему расовому инстинкту выводить и формулировать универсальные законы, представил его как истинный для всех людей. Его доктрина поэтому стала привлекательной для сентиментальных арийцев, которые беспокоились обо «всем человечестве» и жаждали «делать добро» более низким расам, притворяясь, будто те расы были равны их собственной расе. Они соответственно проповедовали философию Сиддхартхи и постепенно преобразовывали этот холодный пессимизм в религию, полную богов, спасителей, неисчислимых ангелов и демонов, и они называли Сиддхартху «просветителем человечества» (Буддой). Как странная смесь философии и религии, буддизм стал официальной религией Индии, довел до конца расовое смешение арийцев и их растворение в плодovitых туземных расах. И затем, завершив свою подрывную работу, буддизм исчез из Индии и выжил только как весьма суеверная религия в Тибете, Китае, Японии и смежных монгольских территориях, и, с большими доктринальными различиями, на острове Цейлон (Шри-Ланка) и в Юго-Восточной Азии, где он, кажется, стал таким же декадентским, как христианство у нас *

* Когда Арнольд Дж. Тойнби посетил Бирму, он был впечатлен «духовным светом», который является особенно сияющим у буддистских монахов, которые собираются толпами и, когда дух двигает ими, начинают убивать людей дубинками, револьверами и ручными гранатами, которые они проносят под своими священными желтыми одеяниями. Это социальное евангелие, однако, является очень недавним новшеством. С другой стороны, очень многое из старины дожило до наших дней, что было явно доказано несколько лет назад, когда наша пропагандистская машина в политических целях показала по телевидению нескольких буддистов, которые сжигали себя. Неотесанные провинциалы, глазевшие на это шоу, не знали, что это было просто соблюдение древнего обычая, значительно старшего, чем христианство, и даже еще более старого, чем сам буддизм.

Если мы обратимся к прямой традиции нашей цивилизации, то мы с самых ранних исторических времен до сегодняшних дней найдем выдающихся людей, которые отвергали популярную религию своего времени и бога или богов той религии, полагая, что мир вечен и никем не был создан, и считая, в соответствии

с менталитетом нашей расы, что миром управляют законы природы, то есть однородные и автоматические процессы природы, независимой от сверхъестественного вмешательства. То, что встречается редко, это не доктрина, которая обходится без богов, а обращение в атеизм. Эту редкость нельзя полностью объяснить страхом преследований, и ее частично следует приписать нежеланию разрушить религию народа.

В седьмом столетии до нашей эры Фалес, которого считают основателем и астрономии, и естественной философии, и который, как полагают, был первым, кто мог предсказывать солнечные затмения с помощью математических вычислений, кажется, отождествлял богов с тем, что мы должны назвать кинетической энергией, тяготением, магнитной силой, и, возможно, химическими процессами. Такое определение не могло быть ни поучительным, ни ободряющим для людей, которые в молитвах хотели просить о милосердии, поддержке и благосклонности Зевса или одного из его божественных партнеров или подчиненных, но Фалес технически не был атеистом, и он причинял установившимся верованиям меньшее беспокойство, чем это сделал Ксенофан, строгое единобожие которого требовало, чтобы он высмеял всех антропоморфных богов. Демокрит, один из самых великих умов античности, объяснял все явления атомами, которыми управляют однородные естественные силы, и богам он не оставил ничего, что они должны были бы делать, хотя он бодро признал, ради тех, кто сильно переживал из-за этого вопроса, что те же самые естественные силы, которые произвели человека, возможно, создали и превосходящие расы, сформированные в более совершенном виде из более тонкой материи, и поэтому, возможно, свободные от некоторых наших бед и ограничений. Эпикур утверждал, возможно, искренне, на основании эпистемологических соображений, что боги, вероятно, существуют, но они должны жить вне нашего мира и, по своему характеру, не должны иметь никакого интереса к людям или беспокоиться о них. Это очевидное безумие: попытаться привлечь внимание таких превосходящих существ, и нелепо думать, что какого-то бога заботило бы, кто выиграл Троянскую войну, или что сын Бога (*Dios pnyos*, то есть Дионис) мог страдать, был убит и воскрес из мертвых, чтобы спасти человечество, но Эпикур не был технически атеистом. Эвгемер вежливо разрабатывал доказательства и аргументы, чтобы показать, что Зевс был царем Крита, и что идея поклонения богам была просто развитием естественного стремления людей почитать память о великих людях после того, как те умерли. Многие древние авторы объясняли религию терминами, большинство которых являются общепринятыми у современных антропологов: *primus in orbe deos fecit timor* («богов первым на земле создал страх» – Цецилий Старший). Примитивные люди персонифицировали и пытались умиротворить силы природы, которые они не понимали. Умные читатели могли сделать свои собственные выводы, но древние авторы воздерживались от

проповедования атеизма как такового, и обращались только к очень ограниченной и избранной аудитории.

Возможно, был перерыв в таком скептицизме во времена упадка Римской империи и самой темной части Темных веков, но люди тринадцатого столетия знали об известной книге «De tribus impostoribus» («О трех обманщиках»), которая теперь потеряна. (Существующая работа – это подделка, созданная в восемнадцатом веке.) Тремя обманщиками были, конечно, Моисей, Христос и Мухаммед, шарлатаны, которые пользовались доверчивостью своих невежественных современников, но, насколько мы можем сказать, автор этой доктрины определенно не отрицал существование бога. С тринадцатого века до наших дней цепочка таких взглядов была неразрывной, и их легко узнать под различными формами, которые это мышление последовательно принимало. Во времена Ренессанса, например, любимой предосторожностью была доктрина «двух истин», которая позволяла философу, такому, как самый прославленный из падуанцев, Пьетро Помпонаци, утверждать, что верой он верил в то, что истинны точно те суждения (например, бессмертие души), ложность которых он только что продемонстрировал в свете разума и наблюдения. После Реформации появляется современный метод. Например, друг сэра Уолтера Рэли Томас Хэрриот (Гарриот), которого теперь в основном помнят благодаря его трудам по математике в навигации и картографии, просто игнорировал христианство (за исключением того, что он считал его хорошим для американских индейцев). Современники ученого подозревали его в атеизме, но они не могли доказать это. Сегодня вы можете взять любой серьезный трактат по астрономии, геологии, биологии или почти любой науке, и вы найдете, что автор просто игнорирует религию как неважную и даже не утруждается упоминать как курьезные мифы христианские верования, которые были молчаливо опровергнуты результатами его исследований. Авторам сегодня не нужно бояться гнева христианских священников, но они довольствуются тем, что позволяют умным читателям делать свои собственные выводы. Формальное публичное заверение в своем атеизме было бы дурным тоном, и, больше того, многие из авторов действительно не хотят разрушать то, что религия оставляет нашим людям.

Вся наша традиция, таким образом, выступает против беспричинных и ненужных нападок на религиозные верования, и одной из самых сильных причин этой сдержанности долгое время было и ныне остается убеждение в том, что вера в богов, которые наказывают за моральные проступки, является самой эффективным и, возможно, уникальным и незаменимым средством поддержания в значительной части населения морали, без которой цивилизованное общество стало бы невозможным. Макиавелли не был автором доктрины, которую он выразил с жестокой откровенностью в том отрывке из его *Discorsi* («Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»), который мы цитировали выше. Идея эта является

очень древней; она появляется у Геродота, «Отца истории», и было, вероятно, старой уже в его время. Эта идея даже не ограничена арийцами. Хотя он, несомненно, находился под влиянием греческой мысли, великий арабский поэт Абуль-Ала аль-Маарри дал этой идее афористическое выражение в стихах, которые можно перевести таким образом:

«Мусульмане спотыкаются; христиане заблудились;

Евреи безумны, и маги бредут наощупь.

Мы, смертные, состоим из двух больших школ -

Просвещенных мошенников или, в ином случае, религиозных дураков».

«Просвещенные мошенники» будут презирать и обходить этику, наложенную религиозными санкциями, и никакое общество не может содержать больше, чем маленькую долю их. Таково, по крайней мере, было заключение осторожных наблюдателей за человеческим обществом.

Неверующий, разумеется, не обязательно негодяй, но даже если мы утверждаем, что какая-либо система этики может быть так логически выведена из объективно установленных данных, что эта система будет убедительной для каждого мыслящего читателя, то мы не можем разумно ожидать, что такая аргументация повлияет на любую, даже самую маленькую часть населения. Сколько людей, например, было бы готово прочитать «Никомахову этику» Аристотеля или «De officiis» («Об обязанностях») Цицерона, или поняло бы эти книги, если бы они действительно их прочли? Даже если бы мы могли создать интеллектуально неоспоримый моральный кодекс, мы все еще должны были бы считать религию необходимой, как говорил Аристотель, «чтобы убедить большинство». Или как это выражает Джеймс Бёрнхем, который, конечно, является сегодня одним из лучших умов в консервативных кругах: «Политическая жизнь масс и единство общества требуют принятия мифов. Научное отношение к обществу не позволяет веру в истинность мифов. Но лидеры должны открыто исповедовать веру в мифы, действительно поощрять ее, иначе структура общества расколется».

Этот вывод всегда широко принимали люди, которые, естественно, воздерживаются от его публичного провозглашения. Я знал джентльмена, который, хотя и не был богатым в обычном смысле этого слова, жертвовал приблизительно пять тысяч долларов в год своей местной церкви. «Конечно, я не верю в бессмертие и всю эту прочую чепуху», говорил он мне, «но вера в загробный мир является единственной вещью, которая будет поддерживать честный образ жизни у большинства людей, поэтому я делаю то, что могу». Это мнение основывалось не на чтении, а на его собственном наблюдении за людьми. По существу, такое же мнение разделяется некоторыми священнослужителями. Я разго-

варивал с одним священником, который, конечно, не был одним из дельцов «социального евангелия». Он – очень хорошо образованный и вдумчивый человек, который верит, что религия необходима для социальной стабильности, хотя он сожалеет, что ряд исторических случайностей сделал религией Запада такой путаный и уязвимый культ как христианство, вместо формы буддизма, найденной в «Милиндапаньха» («Вопросы Милинды», около 125 года до н.э.), древнем тексте, который он случайно прочитал в оригинале на языке пали. Это, конечно, не то, что он говорит своим прихожанам, но он считает, что, так как вера в сверхъестественное должна поощряться для комфорта большинства, то для общества лучше, чтобы эту доктрину распространяли люди, которые могут честно и с холодным рассудком смотреть на свою задачу и не будут увлечены фанатизмом или эксгибиционизмом. Такое представление не уникально, и мы должны помнить, например, что в этом столетии самым верным и самым красноречивым защитником христианской веры во Франции был общительный и добродушный Шарль Моррас, который, возможно, по неосторожности, признавался, что лично он был атеистом.

Одно из самых поразительных доказательств масштаба нерелигиозной поддержки религии как социально полезного явления – нынешняя волна книг и статей, которые убеждают христиан объединиться со всеми другими религиями в «борьбе против скептицизма», потому что важная вещь состоит в том, чтобы иметь «веру», выбранную из современной клумбы, которая обеспечивает букетики цветов, соответствующие любому характеру или сочетанию качеств. Это, конечно, является эквивалентом высказывания, что не имеет значения, во что вы верите, при условии, что вы верите в это достаточно сильно. Так же, как антитеза любви не безразличие, а ненависть, так и противоположность истинной религии не скептицизм, а ложная религия. Насколько есть какая-то честность в этой кампании «спасения религии» – насколько это не надувательство – она должна основываться на предпосылке, что верования всех христиан, фарисеев, каббалистов, теософов, мусульман, буддистов и т.д. одинаково ложны, но их нужно поощрять, потому что такое суеверие может служить ограничению естественной склонности людей к преступлению. Очевидно, «межконфессиональные» объятия, столь модные среди профессиональных священнослужителей в наши дни, возможны только для тех, у кого нет никакой веры в их собственную религию, и мы можем только надеяться, что некоторые из них мыслят, исходя из социальной полезности, а не поступают так, чтобы поспособствовать мошенничеству – или заговору.

Степень распространенности неверия в персонифицированного бога – атеизма, хотя многие атеисты избегают общественного неодобрения, используя такие эвфемизмы как агностицизм и пантеизм – поэтому не может быть оценена даже приблизительно. Эта распространенность не ограничена строгим материализ-

мом. Структура человеческого сознания в настоящее время так мало понята, и очень много психологических явлений (например, гипноз, эффекты галлюциногенов, возможные случаи телепатии, определенные инстинкты цивилизованных людей, многие из ментальных особенностей нашей расы) остаются необъясненными. Поэтому вера в то, что у нас есть какой-то нематериальный и духовный компонент, широко распространена, часто связанная с гипотезами о четвертом (или, если время является четвертым, то о пятом) измерении. Этот духовный элемент, считающийся таинственным и непостижимым, подобно тому, как наблюдаемые эффекты радиоактивности были таинственными до того, как радий был изолирован и идентифицирован, рассматривается как подчиняющийся законам природы, пусть пока еще и неустановленным законам, и поэтому не вовлекающий предположения, что за эти явления ответственно какое-то божество. Некоторые из наших современников действительно считают правдоподобной доктрину, подобную доктринам «безбожных» индийских йогов (Ниришварасанкхья), и постулируют циклы реинкарнаций (перевоплощений), которыми управляют моральные законы, являются столь же автоматические и безличные, как сила тяжести. И капитан Лудовичи в своем известном труде «Религия для неверующих» верит в эффективность молитвы даже в отсутствие бога или другой сознательной силы, которая могла бы эту молитву услышать.

Для многих серьезных американцев религия стала частным делом, системой этического поведения, основывающейся на метафизических предпосылках, надеждах или догадках, которые они не хотят обсуждать и, возможно, им было бы трудно точно определить их даже самим себе. Все, что бесспорно, – это то, что должно существовать самое большое разнообразие их концепций сверхчеловеческого. Поэтому невозможно оценить живучесть в наше время стоической концепции божества, являющегося Душой Вселенной (душа мира), которая вновь появилась в деизме конца восемнадцатого столетия, который исповедовали некоторые из отцов-основателей американской республики, так же, как, трудно быть уверенным, до какой степени тот деизм был чем-то большим, чем способом отвергнуть христианство, не боясь позорного пятна атеизма. В действительности многие из деистских высказываний, такие как известное изречение Вольтера «*si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer*» – «если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать» (особенно если прочесть в контексте), заставляют предположить намного большее беспокойство о стабильности общества, чем о вере в безымянного бога.

Можно предположить, что численное большинство нашего населения просто утратило интерес к религии как таковой и не думает о ней вообще, за исключением своего рода общественной договоренности считать бытие или небытие бога чем-то, что не может быть определено. Так что думать об этом было бы непрактично и бесполезно – пустой тратой времени, которое можно провести бо-

лее полезно в размышлениях о том, как добиться повышения зарплаты, и более приятно, если следить за бейсбольным матчем или боксерским поединком. Такие договоренности, конечно, должны соблюдаться; действительно некоторые корпорации, когда они посылают «руководящего работника» на новую территорию, возможно, как регионального менеджера по продажам косметики фирмы «Chanel House» или пива «Bloater's Beer», предусматривают, что он должен быстро присоединиться к местному загородному клубу, к церкви и к ассоциации местных бизнесменов. Мне говорят, что, по крайней мере, одно корпоративное чудовище предусмотрительно составило каталог церквей, которые являются самыми лучшими для бизнеса в каждой части страны, так, чтобы его «менеджерам» и их женам (которые должны быть «выпускниками колледжа» без интеллектуальных интересов и активны в «общественной работе» в местных общинах) не требовалось беспокоиться о выборе. «Фундаменталистские» церкви, как я слышал, «streng verboden» (строго запрещены): быть заподозренным в серьезном отношении к христианству было бы, как и атеизм, плохо для продаж. И это, я боюсь, показательно для того, чем стала религия для большей части наших людей: не вопросом веры или неверия, не темой, которая волнует чувства или мысли, а лишь социальным жестом, который следует делать небрежно и с безразличием.

Все это, я знаю, очень болезненно для христиан, но это не принесет им никакой пользы, если они будут плакать или проклинать неверующих, или наймут евангелиста, чтобы тот сказал им, что они должны «бороться с атеизмом», пригласив его к себе и в следующий раз. Эти факты лишь чуть-чуть менее грустны для тех нехристиан, которые хотят сохранить то, что осталось от нашей культуры и нашей расы, и которые отчаянно хотели бы, чтобы был какой-то способ восстановить веру, которая была объединяющей нас связью, когда Запад был христианским миром. Но мы родились в двадцатом веке, не в одиннадцатом или тринадцатом, и, если мы не предпочитаем удалиться в сказочный мир грез или пассивно ждать своей гибели, то мы должны справиться именно с нынешними реалиями, если мы можем.

Глава шестая

ЗАМЕНЯЮЩАЯ РЕЛИГИЯ

Утрата христианской веры как объединяющей связи Запада была бедствием; духовный вакуум, созданный этим, был катастрофой.

Начиная с конца восемнадцатого столетия, среди нас были группы евангелистских атеистов, численно маленьких, но время от времени очень влиятельных, которые или открыто, или под эвфемистическим названием «антиклерикалов», работали над тем, чтобы разрушить христианство.

Хотя они использовались политическими заговорами, с которыми они иногда сознательно сотрудничали, и хотя их, конечно, поощряли и часто субсидировали евреи, всегда наживающиеся на бедах народов, среди которых они устроили свои колонии, большинство полемистов против нашей религии было довольно искренним, и многие были людьми с хорошими моральными качествами. Давайте, ради нашего собственного просвещения, проигнорируем здесь скабрёзных заговорщиков, которые так часто мрачно появляются на заднем плане, и проигнорируем также часто губительные последствия антирелигиозной агитации. Давайте сведём к самым простым понятиям принципы любого общества, поощряющего атеизм, независимо от того, как оно формально или неформально называлось.

Есть только три основных утверждения. Исследуем их, помня о том, что мы пытаемся рассуждать об отчаянном положении, в котором мы находимся, безотносительно наших верований. Если мы чувствуем потребность предаться оргиастическим эмоциям, то давайте делать это в другом месте и после того, как мы завершим наше серьёзное дело.

(1) Христианство ложно. Этот вывод сделан из (а) критической экспертизы Нового Завета с целью распознать бесчисленные внутренние несогласованности и противоречия и взвесить столь же бесчисленные и точно так же противоречивые попытки богословов объяснить их; (b) сравнения библейских историй, насколько это возможно, с летописными записями; (c) экспертизы библейских утверждений в свете известных законов природы; и (d) рассмотрения несоответствий между библейскими утверждениями о мире и наблюдаемой природой этого мира. Очевидно, мы не можем здесь рассмотреть сведения и аргументы, представленные атеистами под каждым из этих четырех подпунктов, но важно то, что без исключений, достойных упоминания, этот первый шаг является интеллектуально правильным. Каждый автор сообщает о фактах правильно (за исключением того, если они были дополнены более поздними открытиями), и на

основании этих фактов он со строгой логикой приходит к точно сделанным выводам. Христиане, разумеется, борются с этими выводами различными проявлениями веры, и их вера достойна всяческого уважения, но хотя это требует очень многого от них – как это требует очень многого от любого человека, если его просят быть объективным, беспристрастным и справедливым по отношению к своему оппоненту – я надеюсь, что они будут в состоянии восхититься интеллектуальными процессами, из которых были получены эти выводы. Они не могут отрицать эти факты, не прибегая ко лжи; а бросаться на пол, топтать ногами и кричать: «богохульство!» – это недостойно взрослых людей.

(2) Религия поэтому является обманом неосведомленных людей, который совершают священники ради собственной выгоды. Этот вывод сделан из (а) долгой, очень долгой истории мошеннической имитации сверхъестественных явлений, от колдунов среди африканских негров, приводящих в ужас своих соплеменников некоторыми из наших самых простых фокусов, до тщательно продуманных механизмов и наркотиков, используемых в Древнем Египте, Малой Азии и даже в Греции, чтобы показывать наивным простакам пути бога; (b) изготовления реликвий и подделки декреталий и даров в христианстве; (c) направленной на получение и сохранение власти политики официального духовенства во многие исторические периоды; и (d) коррупции, морального разложения и скандального расточительства или нечестности многих церковников высокого ранга, включая некоторых Пап Римских. Здесь, однако, мы немного поторопились, не так ли? Нет такого поведения, приписанного духовенству, даже его худшим представителям, которое бы, по крайней мере, не соответствовало поведению, которое достаточно распространено среди мирян, включая правителей и членов дворянского сословия или аристократии. И если верующие могут страдать от того, что их религия не переделывает людей, как атеисты могут считать очень существенным то, что священники – тоже люди? И разве мы не исключили здесь некоторые данные? Разве история не демонстрирует нам очень большое количество хорошо образованных и очень умных людей, и церковников, и мирян, которые, если не были безумны, должны были придерживаться веры, которую они исповедовали? И можем ли мы предположить, что религия не отвечает никаким естественным потребностям или желаниям людей? Что она не служит никакой цели в цивилизованном обществе? Что она никогда не существовала бы, если бы эквивалент наших цирковых фокусников и наших мошенников не навязали ее нашим доверчивым предкам?

(3) Поэтому давайте разрушим религию, этот чудовищный механизм обмана и эксплуатации -*écrasez l'infâme!* («раздавите гадину!») – и люди, управляя своим поведением одним только пронизательным разумом, будут наслаждаться бесконечным прогрессом, который делает возможным Наука. Это заключение основано – на чем? История не дает примера людей, которые управляли собой одним

лишь холодным разумом, и, в этом отношении, не много примеров вождей и правителей, которые вели себя разумно даже с точки зрения их собственной личной выгоды или преимущества их семьи или другой небольшой группы. Она не дает примеров цивилизованных народов без какой-то доминирующей религии. * Если в нашем обществе религия – мошенничество, то она только одна из сотен мошенничеств, практикуемых в настоящее время, играющих на невежестве и эмоциях, обычно обращаясь к таким постоянным человеческим мотивам как жадность и злоба. Итак, каково основание третьего суждения атеистов? Вера. Вера в утверждение, которое совсем не подкрепляется фактами или логическими выводами, и даже противоречит признакам всех важных доказательств, которые могут быть найдены. ** Это вера, которая не может быть основана ни на каком откровении, кроме бурного возбуждения воспаленного воображения, и она не могла бы быть принята ни по одной причине, кроме той, что она обещает чудо, которое кажется восхитительным.

* Я говорю, конечно, о нациях в целом. Это правда, что малочисленные и чрезвычайно аристократические группы, ограниченные происхождением и образованием, такие как викторианские джентльмены, находили в кодексе личной чести подходящую замену религии, и были времена, когда скептицизм был обычным явлением среди верхней и политически доминирующей группы, но существенным может быть то, что скептицизм был наиболее открытым и печально известным в периоды, которые непосредственно предшествовали большой национальной катастрофе. Даже во время тех периодов, однако, масса простых людей оставалась религиозной. Во Франции восемнадцатого века 95% населения практиковали христианство до Революции. В поздней Римской республике, перед большими гражданскими войнами, капитолийские боги претерпевали некоторое пренебрежение, но религиозность населения увеличивалась, о чем свидетельствуют ввоз и распространение различных восточных культов, и местные божества в сельской местности, кажется, пользовались таким же почитанием, как всегда. К ситуации в сегодняшних Соединенных Штатах мы обратимся ниже.

** Например, Роберт Г. Ингерсолл был очень умным и начитанным человеком, но читатели его знаменитых речей и его собранных писем (которые гарантируют искренность речей) могут только поразиться легкостью, с какой его евангелистское красноречие игнорирует Французскую революцию, которая должна была бы дать ему незабываемый урок того, что Гиббон назвал «опасностью подвергать старое суеверие презрению слепой и фанатичной толпы». Ингерсолл, должен был прочесть у одного из трех историков, которых он более всего уважал, пассаж, из которого я взял эту цитату, и он, должно быть, прочел много сообщений, написанных нехристианами и поэтому приемлемых для него, об оргии садизма, дикости и мании убийств во Франции. Но этот урок был, очевидно, утерян для него, возможно, потому что у него была вера в учреждения, которые теперь почти полностью, кроме одного своего имени, исчезли в Соединенных Штатах. И все же он сам сражался в братоубийственном безумии, обычно называемом Граждан-

ской войной, и он сам был свидетелем садистских репрессий, которые сведенные с ума ненавистью фанатики проводили против цивилизованных жителей завоеванной и беспомощной Конфедерации!

Что произошло с евангелистскими атеистами, хотя они и сами этого не заметили, ясно. Когда они изгнали свою веру в христианство, они создали внутри себя вакуум, который был быстро заполнен другой верой. И пыл, с которым они поддерживают эту веру, имеет религиозную силу. Они проповедуют благую весть о том, что никакого бога нет, с такой же большой страстью и искренностью, с какой христианин всегда проповедовал свое евангелие. Они жертвовали собой, и некоторые даже стали мучениками за свою веру. Если бы мы захотели прибегнуть к парадоксу, то мы могли бы описать их как фанатиков антирелигиозной религии. Но более правильно сказать, что их вера в религию, которая была рациональна в том, что она ожидала чудес только от сверхъестественной силы ее невидимого божества, была заменена суеверием, ожидающего чудес от естественных причин, которые никогда не производили таких эффектов, т.е. это суеверие полностью иррационально.

Общества поощрения атеизма как таковые относительно безвредны и просто показывают в мелком масштабе психологическое явление, которое имеет катастрофические эффекты, когда оно происходит в крупном масштабе, примерно так, как песчаные смерчи и маленькие пыльные вихри – это миниатюрные торнадо.

Когда религиозная вера заменена материалистическим суеверием в крупном масштабе, последствиями является огромное опустошение.

Большая волна антихристианского евангелизма, нахлынувшая на Европу примерно в середине восемнадцатого столетия, и ее естественные результаты были наиболее заметны во Франции, где десятилетия напряженной социальной реформы, навязанной централизованным правительством во главе с королем, посредственный ум которого был полностью испорчен «либеральными» представлениями, естественным образом вызвали вспышку безумия и дикости, известную как Французская революция. Так как сегодня нашими школами и университетами управляют шаманы и колдуны нового суеверия, история тех событий малоизвестна среднему американцу, который, вероятно, получает свои впечатления, в лучшем случае, из романа Томаса Карлейля «Французская революция», и, в худшем случае, от посвященных и факиров демократии. Очевидно, что мы не можем включить сюда экскурс на тысячу страниц о том, что произошло тогда во Франции, да нам это и не требуется. Попытки добиться социального подъема

через экономические и политические реформы во время правления Людовика XVI хорошо резюмированы Алексисом де Токвилем в книге «Старый режим и Французская Революция» (русский перевод – «Старый порядок и революция»),* наилучший короткий рассказ на английском языке о тайных силах этой катастрофы – это «Французская революция» покойной Несты Вебстер, дополненная двумя томами ее биографии Марии-Антуанетты и Людовика XVI и соответствующими главами ее «Мировой революции». **

* Читатель должен помнить, что де Токвиль писал в то время (1856), когда возрождение религии, последовавшее за Французской революцией, позволяло ему питать иллюзию, будто бы христианство было «определенно восстановлено», и что климат его времени был «очень благоприятен для христианства».

** Госпожа Вебстер писала как христианка и поэтому, хотя она была женщиной большой учености и проницательного ума, ее интерпретации фактов, которые она правильно сообщает, окрашены (а) неспособностью в достаточной мере учесть тот факт, что, хотя публикация большой французской энциклопедии была, несомненно, подрывной для церкви и государства, эта книга, однако, точно рассказывала о научных, технических и исторических знаниях того времени, так что если мы осуждаем публикацию энциклопедий, мы логично должны были бы потребовать, чтобы накопленные знания были сделаны доступными только для ограниченной и малочисленной элиты; и (b) христианской концепцией вселенского конфликта между Богом и сатаной, из чего следует, что все, что является антихристианским, является нравственно плохим, отвратительным и злым. Многие из ранних колонистов в Северной Америке, особенно англичане, соответственно думали, что индейцы, должно быть, подстрекались дьяволом не отдавать свои охотничьи угодья христианам, и сегодня многие думают, что евреи являются сатанинскими и злыми, потому что они действуют в соответствии с интересами, инстинктами и верованиями их расы. Нехристианские читатели должны делать поправку на эту тенденцию, при этом не отвергая нелогично сообщения госпожи Вебстер о фактах.

Нам здесь не нужно заниматься зловещими и ядовитыми заговорами, которые тайно подстрекали и разрабатывали большую часть этого бедствия, поскольку нас интересуют не манипуляторы, а люди нашей расы, которыми манипулировали. Наша проблема состоит не в том, что произошло с этими людьми, а в том, почему они позволили этому произойти. Адам Вейсгаупт, основатель и формальный руководитель смертоносного заговора иллюминатов,* был, несомненно, хитрым существом, который смог завербовать некоторых из королей и принцев Европы в заговор с целью устранить монархию, завербовать христианских священнослужителей в заговор с целью разрушить христианство, и завербовать добросердечных сентименталистов в заговор с целью убить тысячи куль-

турных мужчин и женщин, но, какими бы утонченными ни были его методы обмана, его успех свидетельствует об определенной фундаментальной слабости, умственной или моральной, у его жертв.

* Мы должны, конечно, быть осторожны, чтобы не возвысить Вейсгаупта до уровня сатаны, представив его и его скабрезную шайку ответственными за всю катастрофу, которой они (и многие другие), несомненно, поспособствовали. В моей книге «Заговор или вырождение?», примечание 19, я в достаточной степени прокомментировал идею, популярную в некоторых кругах, что иллюминаты были и теперь являются невероятно влиятельной командой главных Тайных вдохновителей, которые плели заговоры и кропотливо осуществляли их на протяжении сотен или тысяч лет, и вызвали все беды мира ради какой-то собственной цели. Подразумеваемая предпосылка, иногда явная, но часто оставляемая скрытой в эти дни, это то, что ужасные, но неопознанные иллюминаты вовлечены в заговор против христианства, по-видимому, в активном сотрудничестве с дьяволом. И если бы эти дьявольские заговорщики не сделали свою грязную работу, то теперь не было бы никаких противных скептиков и ужасных атеистов, и все люди во всем мире, ну ладно, по крайней мере, все люди в Соединенных Штатах верили бы каждому слову в Библии и сами вели бы себя соответственно. Ну, как я указывал выше, если вы соглашаетесь с этой идеей, то вы должны принять и ее необходимое следствие, что большая часть материального мира вокруг нас – это иллюзия, которую мы принимаем за действительность, иллюзия, так или иначе изобретенная иллюминатами или их бессмертным Главой. И если вы верите в это, то лучшее, что можно сделать, это удалить, так же, как и знаменитая группа византийских монахов, и рассматривать свой пуп (конечно, при условии, что он тоже не иллюзия).

Нет исторического периода, более поучительного, чем те полвека во Франции, когда все еще многочисленные представители наследственной аристократии и более многочисленные нувориши с их купленными титулами так усердно трудились над тем, чтобы создать катаклизм, в котором они погибли. Они гордо говорили о своем времени как об эпохе Просвещения, называя его «Siècle des Lumières», Век разума. Большинство из них увидело, наконец, свет, когда они столкнулись с новой гуманной машиной для ампутации их голов; и многие не дожили до 10 ноября 1793 года, когда они могли бы увидеть Разум, наконец, возведенный на престол и воплощенный голой шлюхой – «Богиней Разума», посаженной на главный алтарь Нотр-Дама. Результаты доказали, что, взятая в целом, французская аристократия, которая включала большую часть лучшей (и некоторую часть худшей) крови в стране, была самым удивительным сборищем болванов, которое где-либо еще можно было увидеть до Америки двадцатого века.

Восемнадцатое столетие видело великие и серьезные достижения во всех фундаментальных науках, в промышленной технике и в изучении истории. Это несомненно, что почти все эти блестящие достижения в точных и гуманитарных науках прямо или косвенно подвергали сомнению принципы христианства. Хотя сравнительно немного людей полностью понимали эти открытия, поверхностные знания об их значении были сообщены, обычно остроумными популяризаторами, всему образованному классу. Этого было достаточно, чтобы разрушить их религиозную веру, которая была соответственно заменена странными суевериями самозванных философов. Эта болтливая шайка больше не могла верить в бога, но они могли верить в «мир во всем мире», который должен был быть волшебным созданием либо проектом «Объединенных наций» аббата де Сен-Пьера, либо табаком, который, если его станут курить все, обязательно так успокоит мужские нервы, что люди больше не станут терять самообладание и не захотят сражаться. Они не могли верить в Христа, но они могли верить, что еврей с елейным голосом, который нахально называл себя графом де Сен-Жерменом, был свидетелем распятия на кресте и остался в добром здравии с тех пор, воздерживаясь от любой еды и получая свое питание непосредственно из воздуха – и они считали самым естественным делом в мире, что такого долговечного гения следует устроить в королевском дворце как личного советника короля. Они не могли верить в бессмертие души, но они могли верить, что неопрятный еврей с сомнительной репутацией по имени Бальзамо, он же господин Бактимор, он же граф Пеллегрини, он же граф де Калиостро, и т.д., мог вызывать души мертвецов, предвидеть будущее каждого человека, заставлять алмазы расти и дистиллировать эликсир, который омолаживал бы стариков и превращал бы молодых людей в младенцев.*

* В этой связи нам следовало бы, возможно, упомянуть кардинала де Рогана, образцового священнослужителя, который был настолько интеллектуален, что он обнаружил, как выгодно было бы сотрудничать с Серффбеером и другими еврейскими банкирскими домами. Он знал, конечно, что христианство было «глупым суеверием», но после того как он увидел, что «граф де Калиостро» сделал из угольной пыли и окалина целый горшок золота, он логически пришел к выводу, что этот чародей был богоподобным и, возможно, даже воплощением бога, и поэтому у него должна быть сила, чтобы помочь кардиналу обольстить Марию-Антуанетту и наставить рога королю.

Если есть какой-либо человек, которого можно рассматривать как прекрасного представителя и действительно типичный символ Просвещения, то это знаменитая маркиза Жанна д'Юрфе. Она была богатой и умной женщиной знатного происхождения, которая, очевидно, серьезно интересовалась химией – ей припи-

сывают изобретение саморегулирующейся лабораторной печи для использования в ее экспериментах. Она также полагала, что намного приятнее быть молодой женщиной, чем старой женщиной, и она соответственно предприняла шаги, чтобы переделать себя. Она сделала один важный шаг по совету Куэрилинтоса (Querilinthos), духа, проживавшего тогда в Млечном пути, и в точно рассчитанный астрологический момент она, после торжественной молитвы к Селенис, Духу Луны, бросила в Средиземное море шкатулку, которую она заполнила пятьюдесятью фунтами золота, серебра, ртути и других металлов, и алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров, хризолитов, топазов и опалов. (Казанова, конечно, предусмотрительно заменил это содержимое шкатулки пятьюдесятью фунтами свинца, прежде чем дама бросила в волны свой дар Семи Планетам.) Эта преданность так тронула Селенис, что она отправила с Луны бессмертную Ундину (одну из любовниц Казановы в зеленом трико), чтобы устроить маркизе церемониальную ванну. Маркиза д'Юрфе, мне не требуется это говорить, была истинной интеллектуалкой, освободившейся от вульгарных предубеждений.

Неудивительно, что общество таких интеллектуалов приняло всерьез чокнутого бродягу, который с иступленным всхлипыванием медитировал о добродетели, переполнявшей его чистое сердце, и осуждал разложение христианских церквей, содержавших сиротские приюты, в которые тайком подбрасывали его внебрачных детей. У Руссо, к сожалению для нас, была способность писать эмоциональную прозу, которая придавала пикантность его вздорному пустословию, и он, кажется, при случае был способен к вынужденной ясности (как в его *Considérations sur le gouvernement de Pologne* – «Замечания о правлении в Польше»), но сам он подвел итог всей своей карьеры, когда в мгновение искренности он сказал Босвеллу: «Я живу в мире фантазий, и я не могу терпеть этот мир, каков он есть».*

* Это вовсе не единственное его признание; см. его письмо Мальзербу от 4 января 1762: «Je trouve mieux mon compte avec les êtres chimériques que je rassemble autour de moi qu'avec ceux que je vois dans le monde». («Я чувствую себя лучше с химерическими существами, которых я собираю вокруг себя, чем с теми, которых я вижу в мире».) Можно было бы собрать, по крайней мере, дюжину его более или менее искренних признаний о том, что для него было невыносимо думать о реальном мире.

Мы не должны проклинать Руссо за его влияние. Реальная тяжесть вины падает на образованное, скептическое, интеллектуальное общество, которое не смеялось над его фантазиями о врожденной добродетели сердец, неиспорченных цивилизацией, о благородном дикаре, о равенстве всех людей, которые могут

стать неравными только через развращенность цивилизованного общества, о греховности обладания собственностью любого вида и обо всем прочем абсурде, который вы найдете на тысячах печатных страниц нитья и разглагольствований Руссо. Вы можете прочитать все это – если у вас хватит выдержки и решимости дойти до конца – и вам действительно стоило бы это сделать, так как в противном случае вы не поверите, что книги, прочитанные таким большим количеством людей и встреченные с напыщенным восхищением, могут быть настолько глупыми и настолько мучительно скучными.

То, что породили фантазии Руссо, было удивительным суеверием. Это не точно атеизм, поскольку какой-то расплывчатый, неопределенный бог был необходим, чтобы создать совершенно благородных дикарей, которые должны были быть испорчены цивилизацией, и вдохновлять совершенно чистые сердца, как сердце Руссо, переполненные добродетелью и слезами, капающими всюду, куда они идут; но в любом практическом отношении кредо Руссо заменяло Бога «демократией», и ставило цивилизованное общество на место дьявола. Это заменяло веру в невидимое и неподдающееся проверке опытным путем верой в явное и очевидно ложное.

Мы не можем позволить себе насмехаться над бедной мадам д'Юрфе. Ее инструкции поступали от Куэрилинтоса, но этот великий дух был отправлен на Млечный путь семью саламандрами, так что, естественно, она не могла ожидать, что он лично приедет, чтобы повидаться с нею. Вы можете подумать, что, если бы эта благородная дама была действительно сообразительной, то в то время, когда бессмертная и безмолвная Ундина передавала ей щетку для ритуального омовения, она кольнула бы эту лунную деву булавкой. Но, в конце концов, женщина, которая только что бросила в море целое состояние в виде золота и драгоценностей, вероятно, была немного взволнована, и можно сделать некоторую скидку на нетерпение старухи, стремящейся стать молодым мужчиной. Но никаких подобных оправданий нельзя найти для могущественных умов, которые были потрясены бессмысленной болтовней Руссо. Они могли бы проверить предположение о естественном равенстве, просто пройдя по улице с открытыми глазами, заглянув в ближайшую тюрьму, или уделив немного внимания поведению любого из множества действительно примечательных дегенератов очень высокого положения.* Они, должно быть, встречали каждый день военных и других людей, которые наблюдали дикарей в их родной среде обитания и могли бы прокомментировать врожденное благородство этих милых существ. И парочка бесед с несколькими разбойниками и карманниками объяснила бы проблему, было ли общество ответственно за то, что они рождались без совести, крыльев, и других желательных аксессуаров. На самом деле ни один разумный человек не мог избежать ежедневного доказательства того, что лепет Руссо был полнейшей чепухой – кроме, возможно, тех, кто заперся в звуконе-

проницаемой комнате без окон. Но философы в их собственных просторных умах смогли достигнуть гораздо более полной изоляции от реальности.

* Включая, между прочим, великого апостола демократии, которому мы обязаны как словом «садизм», так и бессмысленным изречением, что «все люди созданы равными» («La Nature nous a fait naître tous égaux»). Это любимое изречение маркиза де Сада конкретизировано в начале первого тома его «Жюстины», где он разъясняет доктрину, теперь молчаливо или явно поддерживаемую нашими «либералами», в соответствии с которой самые отвратительные преступления всегда оправдываются как форма социального протеста и получают особое одобрение Провидения, так как только через любую форму преступного мы можем восстановить счастливое состояние прекрасного равенства, задуманное нашим Создателем. («L'état où elle [la Providence] nous a créés est l'Égalité» – «состояние, в котором оно (Провидение) создало нас, это равенство»). Де Сада дважды приговаривали к смертной казни за отвратительные преступления, за которые было возможно осудить его в судах, но при декадентском правлении Людовика XVI, как и в сегодняшних Соединенных Штатах, существовали политические влияния, всегда готовые спасти этого крайнего извращенца от казни, и де Сад содержался в удобной тюрьме, пока он не был освобожден Французской революцией. Он стал одним из самых пылких ораторов за социальную справедливость и братство, и продолжал практиковать свою феноменальную изобретательность, пытая и калеча мужчин и женщин, которых он похищал для своих личных развлечений, все время после Революции. Выродка заперли в психиатрической больнице, как только Наполеон пришел к власти.

Как это было возможно? Есть два очевидных фактора.

Чтобы рассмотреть первый из них, давайте возьмем один из бесчисленных примеров, у которых нет никакого скрытого политического или религиозного значения.

Многие романы Диккенса издавались по частям в журналах, и, естественно, каждая часть издавалась в Англии раньше, чем она появлялась в Соединенных Штатах. В 1840 году суда, прибывающие из Великобритании, встречали на пирсе небольшие группки хорошо одетых мужчин и женщин, которые, как только судно появлялось в пределах слышимости, спрашивали со слезным беспокойством: «Малютка Нелл умерла?» Те, кто задавал этот вопрос, затаив дыхание, были грамотными и, по-видимому, образованными людьми, представителями того, что называют праздным классом. Они не были ни пьяными, ни безумными, так что они должны были знать, что малютка Нелл была просто вымыслом, продуктом воображения Диккенса, и что она появилась в истории, которую начали публиковать совсем недавно. Если они были знакомы с человеческой жизнью,

они должны были также знать, что вымышленная малютка Нелл была образцом, который не напоминал какого-то ребенка, когда-либо рожденного женщиной. Минимальное размышление уверило бы их, что Диккенс с сознательным искусством сочинил душещипательную историю, перипетии и развязка которой будут определяться его суждением о том, что больше всего взволновало бы сентиментальность его читателей в рамках той длины, которую он считал самой выгодной для его журнала.

Задававшие этот вопрос люди не были идиотами; они знали всё это. Но воображение, которое стимулировал Диккенс, было настолько ярким и сильным, и было подкреплено такими сильными чувствами великодушия и жалости, что рациональный ум, если можно так выразиться, был посажен на цепь, как причиняющий беспокойство сторожевой пес, и часть сознания наслаждалась иллюзией, что малютка Нелл была реальным человеком, и беспокоилась за ее судьбу.

Мысленное превращение малютки Нелл из вымышленной героини романа в реального человека, было просто расширением или, скорее, извращением психологического процесса, характерного для нашей расы, который все мы испытываем всякий раз, когда читаем произведения художественной литературы, в прозе или стихах. Когда мы берем в руки произведение поэзии или художественной прозы, мы начинаем с того, что литературные критики обычно называют поэтической временной приостановкой сомнения. Мы решаем, что во время нашего чтения будем верить, что все, что автор говорит нам, происходило на самом деле, и что мы будем опосредовано присутствовать, когда это произойдет, и испытаем эмоции, которые мы испытали бы, если бы мы физически присутствовали. Это литературный опыт большой литературы и, на самом деле, также и наш опыт, когда мы читаем любое произведение художественной литературы, которое достаточно хорошо написано, чтобы мы не захотели бросить книгу в камин. Когда мы читаем рассказы о чудесном и сверхъестественном, мы совершаем временный акт веры и принимаем тот мир, который создал автор. Только нищие духом откажутся верить в гиппогрифов (мифических полуконей-полугрифонов), когда они читают «Неистового Роланда» (Orlando furioso) Ариосто или засомневаются в силе Просперо, когда они читают «Бурю» Шекспира. Мы делаем то, что является, по существу, тем же самым актом веры, когда мы читаем беллетристику, написанную более реалистичным языком. Это вера строго ограниченной продолжительности, и, если, конечно, с нашими мозгами все в порядке, то когда мы закрываем, наконец, самый великий роман Томаса Харди, мы больше не предполагаем, что прочли биографию реального человека по имени Джуд Незаметный, не больше, чем мы ожидаем встретить гиппогрифов, смешивающихся с уличным движением, после того как мы прочитали поэму Ариосто.

Литература предоставляет нам эмоциональный и духовный опыт, к которому у нас есть расовая потребность, поскольку мы, индоевропейцы, генетически унаследовали яркое воображение, склонное выходить из-под контроля, когда мы пытаемся подавлять или игнорировать его вместо того, чтобы применять его рационально и тем самым удовлетворять нашу сильную внутреннюю тоску по мирам, более ярким, более красивым и более волнующим, чем тот, в котором мы живем. Нашей первой великой литературой были поэмы Гомера, как «Илиада» с ее вечным изображением неизменно трагической судьбы, сознательно встретить которую способны только западные мужчины, ибо они достаточно сильны, так и «Одиссея» с ее волшебными окнами, открывающими вид на бурные волны опасных морей. И это литература, которая будет нам нужна, пока мы существуем как раса. Сила нашего воображения, хотя, возможно, и не так уникальна, как наша способность к философскому рассуждению, которое позволяет нам познавать материальный мир и частично овладевать им, но это часть нашей расовой сущности, и мы можем отрицать ее только на свой страх и риск.

Опасность появляется, конечно, когда воображаемые сцены настолько ярки, что мы по неосведомленности принимаем их за действительность. Именно это делает «исторические» и «тенденциозные» (т.е. служащие для выдвигания, описания и защиты какого-либо тезиса) романы столь же опасными, как нитроглицерин, и обращаться с ними следует с такой же осторожностью. Много людей, которые не читали исторические источники, остались с впечатлением, что «Повесть о двух городах» Диккенса описывает Французскую революцию. Многие читатели «Последнего из могикиан» Фенимора Купера думали, что они узнали из этого романа что-то об индейских племенах, которые действительно жили в Северной Америке. И, каким бы невероятным это ни казалось, сентиментальная бессмыслица, выделенная зараженным воображением Гарриет Бичер-Стоу, так воспламенила слабые умы, что это стало одной из причин национального безумия и братоубийственной войны, которая надолго обеднила нашу нацию и, как может все же оказаться, была самоубийственной.

На вульгарном и прозаическом уровне мы постоянно видим случаи опьянения воображением, которые соответствуют чему-то, вызванному алкоголем. Добрые дамы из кружка кройки и шитья при местной церкви читают прозу какого-нибудь миссионера или журналиста, и – бах! – каждая видит в своем воображении милых маленьких темнокожих мальчиков и девочек, точно таких же, как ее Джонни и ее Мэри, только немного милее, и ее сердце очень хочет одарить их брюками и платьями, и экземпляром Нового Завета, и снабжать их мороженым. И потому она усердно шьет и вяжет ради них, и бросает свою монетку в ящик для пожертвований, в блаженном неведении, что дорогие объекты ее забот не более реальны, чем Сильвия и Бруно Льюиса Кэрролла. Таким же общераспространенным явлением является и то, что всякий раз, когда какой-нибудь

особенно порочный и жестокий молодой мерзавец изменил с помощью топора анатомию своей жены, у определенного числа женщин возникнет образ милого, непонятого мальчика, и они напишут ему письма с предложением о браке, и намного большее количество женщин, видящие то же самое видение, но менее импульсивные в своем поведении, будут надеяться, что, в самом худшем случае, комиссия по условно-досрочному освобождению отпустит парня через год или два, так, чтобы он мог возобновить свои занятия любительской хирургией. Явление это отнюдь не ограничено более слезливым полом, и мы видим случаи этого каждый день. Мы устанавливаем законы, препятствующие людям, которые допиваются до чертиков, водить автомобиль, но мы ничего не делаем с намного более серьезной проблемой: как воспрепятствовать голосовать людям, которые видят «мир во всем мире» прямо за углом.

Наше гиперактивное воображение обычно действует вместе с импульсами великодушной щедрости, которые являются специфически свойственными нашей расе – настолько специфическими, что никакая другая раса не может понять их, кроме как своего рода глупость, от которой они сами, слава богу, избавлены. Задолго до того, как мы начали баловаться международным идиотизмом в правительственном масштабе, для американцев было практически обычным делом услышать, что китайцы в какой-то области голодали, и в течение нескольких недель многочисленные люди, многие из них сравнительно бедные, делали частные пожертвования, и еда была куплена и отправлена голодающим (если сбор пожертвований был проведен честно). Ну, я не осуждаю такое проявление милосердия, являющееся достоинством, которым мы инстинктивно восхищаемся, но мы должны понять, что, хотя китайцы с удовольствием съели эту еду и вежливо сказали «спасибо», они между собой пришли к заключению, что у нас что-то не в порядке с головой. Они сами никогда не сделали бы ничего в этом роде, даже для людей их собственной расы в соседней провинции. У белых дьяволов, решили они, наверное, черви в мозгах. Сочувствующее великодушие, однако, является достоинством или недостатком нашей расы, и мы должны будем жить с ним.

В восемнадцатом столетии произошло так, что фантазии Руссо настолько взволновали воображение и импульсы великодушия, что рассуждающий ум потерял контроль. Коллективное сердце аристократии обливалось кровью за малютку Нелл.

Есть, однако, и второй фактор, более важный для наших целей здесь. Вы найдете ясную иллюстрацию в нашей новейшей истории во время президентства Вудро Вильсона, который, кажется, был нередкой комбинацией умственной аутоинтоксикации с безнравственными амбициями, и который был назначен президентом после того, как местный «генеральный директор» Барни Барух и

его команда (как один из них хвастался полковнику Даллу) водили его «как пуделя на поводке», научили его сидеть и лаять за конфетку, и удостоверились, что он был хорошо выдрессирован. Как все мы знаем, Барух, в конечном счете, решил, что для еврейского народа будет хорошо продлить войну в Европе, так, чтобы больше индоевропейцев было бы убито и больше их стран опустошено, и что настало время отплатить Германии и Австрии за их великодушие к евреям, которым в этих странах было дано больше экономического, социального и политического доминирования, чем в любой другой европейской стране. Из этого следовало, что нужно было погнать американское стадо на европейскую территорию.

Нас здесь интересует именно это стадо: что привело его в движение? Все мы знаем, как доверчивые люди, многие из которых посещали Германию и знали что к чему, были побуждены представлять себе картины злого бога войны, кайзера Вильгельма II, и ужасных гуннов, картины, которые были столь же яркие и убедительны, как видение монстра Гренделя, которое мы видим каждый раз, когда читаем «Беовульфа». И, конечно, было много напыщенных речей о воображаемых нарушениях рыцарского кодекса, которые никто даже не помнил несколько лет спустя. Один преподаватель колледжа с некоторой репутацией историка был нанят, несомненно, за небольшую плату, чтобы доказать, что войны вызываются монархиями, хотя он почему-то забыл упомянуть ужасно кровавую войну, которая произошла на нашей земле приблизительно за пятьдесят лет до этого и которая была, очевидно, вызвана династическими амбициями короля Линкольна и короля Дэвиса. И, естественно, пресса была заполнена многочисленным другим бредом. Так что довольно скоро американцы оказались вовлеченными в «войну, чтобы покончить со всеми войнами», и в «войну, чтобы сделать мир безопасным для демократии». Вероятно, было бы немного дороже – хорошая пропаганда стоит денег – заставить их вести «войну, чтобы покончить с эгоизмом», и «войну, чтобы сделать мир безопасным для гоблинов», но и это, несомненно, можно было бы сделать. Зеленых змей не намного труднее увидеть, чем чертей или розовых слонов.

Мы не должны останавливаться здесь на том, чтобы обсуждать методы заговорщиков, которые так легко управляли американским народом, или безумие тех, кем управляли. Давайте обсудим наш полный энтузиазма бросок в Европу как историческое движение.

Если, рассматривая это событие в более широком контексте, вы спросите себя, на что больше всего было похоже это движение, то вы сразу же увидите ответ. Это был крестовый поход – или, чтобы быть более точным, непристойная пародия на крестовый поход. Это было массовое движение, вдохновленное пылом религиозной энергии.

Крестовые походы, которые отмечают кульминационный момент христианства, были (с учетом нашей веры) полностью рациональными предприятиями.* Было очевидно желательно, чтобы христианскому миру принадлежала территория, которая была Святой землей, где его бог появился на земле, и куда многие из паломников путешествовали ради блага своих душ. Крестовые походы были, кроме того, первым реальным усилием европейского единства со времен падения Римской империи, и они были также реалистичным миссионерским усилием. Было невозможно обратить восточные народы в христианство, но было возможно заставить восточные народы подчиниться христианским правителям. Крестоносцы создали Кипрское и Иерусалимское королевства, и Эдесское графство, графство Триполи и княжество Антиохия, – и, в конечном счете, они сочли необходимым захватить Константинополь. Но они не смогли взять Багдад, и их благородное смелое предприятие, в конечном счете, потерпело поражение по причинам, которые не должны интересовать нас здесь. Крестовые походы были, как мы говорили, кульминационным моментом христианства.

* Кроме, конечно, так называемого Крестового похода детей, который является существенным только как доказательство того, что даже в те давние времена у некоторых членов нашей расы была патологическая склонность к характеризующемуся галлюцинациями воображению.

Фальшивые крестовые походы Вильсона против Европы вызвали в американском народе энергию и дух, который реальные Крестовые походы пробудили в Европе. И хотя мы и должны сожалеть об их заблуждении, мы обязаны восхищаться единодушием и преданностью, с которой американцы атаковали европейцев и сражались с ними.* Этот крестовый поход был, однако, иррационален, потому что он был побужден не религией, а испорченными, опошляющими и унижающими суевериями, представленными Руссо.

* Конечно, мы фактически не сражались с Великобританией, Францией и Россией, нашими мнимыми союзниками; они были побеждены другими способами.

Приблизительно с середины восемнадцатого столетия и до наших дней мы были свидетелями распространения всюду на Западе некоего суеверия, которое является в равной степени как нехристианским, так и иррациональным, как явно

противоречащим Священному писанию и традициям христианства, так и являющимся полным отрицанием действительности, которую все люди видят и испытывают каждый день – суеверия, в котором вера в невидимого бога заменена галлюцинациями о мире, в котором мы живем. После того, как это гротескное суеверие вдохновило самую цивилизованную и интеллектуальную часть Франции совершить самоубийство и спустило с цепи бешеную оргию развращенности, преступлений и убийств, названную Французской революцией, его влияние было ограничено возрождением и христианской веры, и человеческого разума, но восстановив свою зловредную власть над воображением и сентиментальностью наших людей, оно выросло снова и, как заменяющая религия, оно постепенно вытеснило христианство в сознании и невежественных нехристиан, и неверующих христиан, парализуя и разум, и веру.

Эта гротескная карикатура на религию является ныне доминирующим культом в Соединенных Штатах: его марабуты вопят почти со всех кафедр проповедников; его колдуны размахивают своими непристойными идолами перед всеми детьми в школах; его шаманы торжествующе гарцуют через все колледжи и университеты. И почти все ужасно боятся фанатичных приверженцев этого фетишистского культа. И бог христианского мира, и мыслящий ум нашей расы были фактически уничтожены специфической системой вудуистского колдовства под названием «либерализм».

Очевидно, что это массовое заблуждение ведет, и может привести только к одному концу. Джеймс Бёрнхем правильно назвал его в своей и во всем остальном превосходной книге «Самоубийство Запада».

Можно утверждать – и утверждать очень правдоподобно – что раса, которая долго могла принимать «либеральный» вудуистский культ как замену и своей религии, и своих способностей наблюдать и рассуждать, раса, способная к таким бессмысленным оргиям как «война, чтобы покончить со всеми войнами», раса, которая в течение многих десятилетий работала над тем, чтобы совершить самоубийство – это раса, которая стала слишком слабоумной, чтобы быть биологически жизнеспособной. Вполне возможно, что наша уникальная способность к науке и технике, в конце концов, будет не более эффективна в борьбе за жизнь, чем были эффективны огромный размер и мощная мускулатура динозавров. Может случиться так, что любая попытка аргументированно общаться с людьми, находящимися, по-видимому, во власти самоубийственной мании, сама по себе представляет собой большое безумие, и что самой тщетной из всех иллюзий является надежда на то, что что-то может спасти людей, которые явно не хотят больше жить.

Если мы как христиане позволим себе какую-либо надежду по эту сторону Небес, и если мы как атеисты позволим себе какую-либо надежду вообще, то мы должны основывать это ожидание на гипотезе, что крах христианского мира, потеря веры в религию на Западе, был травмирующим шоком для нашей расовой души, который ошеломил, но не убил. Если это так, то есть надежда не только на то, что мы можем возродиться от шока и выжить, но также и на то, что уникальные способности нашей уникальной расы могут снова проявиться, чтобы дать нам будущее, которое будет блестящим, великолепным и торжествующим вне всякого воображения. Если это так....

Это вопрос, ответить на который может только будущее. Но существенный признак будет дан позицией и действиями христианского меньшинства, которое до настоящего времени было единственным защитником нашей расы, единственным борцом за наше промотанное наследство. Будут ли они готовы честно признать и учесть, так же, как и их предки в великом Крестовом походе, тот факт, что войны можно выиграть, только мобилизовав и направив превосходящую силу против врага; что набожные проповеди, библейские цитаты и благие намерения никогда не затупили ни одного копья и ни одного меча; и что, если бы христиане надеялись на чудеса, они давно исчезли бы с лица земли? Христианский мир выжил в Шалоне, в Туре и в Вене, и во многих других кризисах, не благодаря книге, колокольному звону и свечам, а благодаря сверкающему мечу в крепком закованном в броню кулаке, направленным бесстрашным сердцем.

ПОСТСКРИПТУМ

Предшествующие страницы были написаны в марте и апреле 1969 года, как продолжение моей статьи «После пятидесяти лет» и должны были быть изданы сначала как серия статей, и затем как брошюра от имени недавно сформированного Национального молодежного альянса (National Youth Alliance). Первая глава появилась в летнем номере (1969) «American Mercury», но остальную часть работы я забрал у них обратно, как только у меня появилась причина предчувствовать, что Молодежный альянс, вопреки гарантиям, данными его спонсорами (профессор Остин Дж. Эпп, господин Ричард Коттен, адмирал Джон Г. Кроммелин, генерал Педро дель Валле, преподобный Фэррелл Гризвольд, и я сам), будет превращен в одну из операций из списка простофиль, с которых можно будет собирать пожертвования, что теперь составляет основной бизнес американских «правых».*

* Мои предчувствия вскоре подтвердились, и первоначальный Альянс закончился. То, что я сказал выше, не подразумевает критики организации, ставшей его законным преемником, Национального молодежного альянса, возглавляемого доктором Уильямом Пирсом, которому я желаю всего самого лучшего, хотя я и не поддерживаю никакой связи с этим союзом.

Я не хотел издавать брошюру под другим патронажем, потому что беседы с некоторыми очень влиятельными христианами показали мне тщетность попыток дельно поговорить с ними. Их план спасения страны состоял из проклятий в адрес евреев и отказа разумно рассмотреть причины, в сопровождении повторяющихся мантр, что «И малое дитя будет водить их». Они не могли вспомнить, что точно эта библейская фраза была вдохновением Крестового похода детей, которому удалось только заполнить невольничьи рынки Ближнего Востока избранной породой двуногого рогатого скота.

Я также заметил, что в целом американские «консерваторы» и «антикоммунисты», как кажется, или не желают, или неспособны извлечь какой-то урок из полного и абсолютного провала всех своих усилий в течение последних пятидесяти лет. Они сдулись до маленькой группы старых и стареющих мужчин и женщин, которые теперь могут говорить только сами с собой, повторяя все более пронзительным тоном их бесполезные анахронизмы, закрывая глаза, чтобы не видеть сегодняшний мир, и отходить все дальше в мир фантазии, наполненный добрыми феями и злыми ведьмами, которых можно вызвать или изгнать волшебными словами. И они, неосторожно и невольно, сделали патриотические организации почти монополией мошенников, которые цинично продают им ошибочные надежды и утешающие вымыслы.

Многие действующие из лучших побуждений, почтенные, и добровольно слепые американцы, кажется, получают удовлетворение от выписывания чеков всякий раз, когда некий делец, оперирующий списком простофиль, пишет на своем компьютере им «срочное» письмо, обещающее невозможное; от воображения, что они могут нанять лоббиста, настолько бойкого, что он сможет уговорить 370 конгрессменов на совершение политического самоубийства; от поездки на милое собрание крошечной организации, чтобы услышать последнюю версию сказочки о Красной шапочке и Сером волке, составленную экспертом с точно правильной последовательностью фраз, чтобы взволновать их воображение, польстить их эго, успокоить их нервы и стимулировать их руки, как только те в очередной раз потянутся к затасканным бумажникам. Никто не должен ставить под сомнение их право покупать иллюзии утешения, не больше, чем можно было бы сомневаться в их праве вкладывать свои деньги в лошадей в Саратоге или со-

вершать обход дорогих ночных баров на Монмартре, но как раз это их рвение к таким отвлечениям внимания казались доказательствами непреодолимой решимости никогда не узнать, что Соединенные Штаты прошли точку невозврата в 1964 году.

Как бодро уверяет нас профессор Эндрю Хэккер в «Конце американской эры» (The End of the American Era by Andrew Hacker, 1970), Соединенные Штаты перестали быть нацией: «То, что когда-то было нацией, стало просто скоплением интересующихся только самими собой людей». Вопреки самонадеянным предположениям, сделанным болтливими политиками и журналистами, Соединенные Штаты стали территорией, заполненной сбитыми с толку индивидуумами, которых объединяет только географическая территория, населенная несовместимыми расами. Наша «история как нации достигла своего конца», потому что «американский народ так никогда и не выработал в себе чувство истории». Мы были настолько сведены с ума оупляющими суевериями «демократии» и «человеколюбия», наши умы подверглись такому сильному разложению со стороны колдунов в государственных школах, и наше общество так прогнило от безответственной сентиментальности, что мы пришли к такой критической ситуации, «в которой становится бессмысленно призывать к оздоровлению или обновлению». Профессор Хэккер оптимистично считает вероятным, что наша аморфная орда может продолжить существовать в течение еще некоторого времени в состоянии постоянно увеличивающегося дискомфорта, беспорядка, деградации и опасности – при условии, что ни одна здоровая нация не пожелает нашей территории и не увидит преимущества использования ее нынешнего населения в качестве удобрения для истощенной почвы.

Хотя наши люди не поверят в это, пока рутина их личной жизни не будет внезапно и насильственно нарушена, мы прекратили быть нацией, потому что у американцев больше нет желания, чтобы быть ею. Таков вывод, сделанный профессором Хэккером, прилежным наблюдателем, которого нельзя заподозрить в наличии малейшей инфекции «консерватизма» (не говоря уже о страшном «расизме!»), и чья симпатия, очевидно, принадлежит как раз тем самым силами, которые он идентифицирует как причину нашей национальной гибели.

Последние годы покойного Уиттакера Чемберса были омрачены холодным пессимизмом, некоторые намеки на который появляются на страницах его «Свидетеля» и посмертной книги «Холодная пятница» (1964). Он был убежден, что американским народом руководит подсознательное, но неискоренимое и непреодолимое желание умереть – подсознательное стремление к вымиранию, которое заставляет американцев в ярости обрушиваться на любого, кто пытается сделать возможным их выживание. До его смерти в 1962 году столь решительное заключение, распространяющее воздействие болезненных психологических

состояний и дегенеративных заболеваний на все население или даже всю расу, казалось очень маловероятным и могло быть отвергнуто как отражение горьких обид его собственного опыта. Но следующее десятилетие не дало никаких доказательств, что Чемберс был неправ.

Мы привыкли говорить себе, что наши внутренние враги украдкой захватили все наши средства массовой информации и коммуникации и теперь осуществляют через школы, лживую прессу и телевидение разлагающее промывание мозгов, которое виновно в овечьей апатии наших людей, когда они как стадо бредут к национальному самоубийству. Но кажется немного странным, что наши люди были настолько тупыми, чтобы позволить такой захват, и мы не можем категорически отрицать, что у того, что мы оптимистично приписываем систематическому промыванию мозгов, может быть более глубокая и скрытая причина.

Наша раса – это биологический вид, и было бы самой дикой манией величия делать вид, будто бы мы освобождены от любых законов природы, включая те, которых мы пока еще не можем точно определить. Неисчислимы другие биологические виды, менее говорливые, чем наш, вымерли, потому что у них не было интеллекта, чтобы справиться с относительно небольшими изменениями в окружающей их среде. У динозавров, птеродактилей, мамонтов, неандертальцев и моа не могло быть этой способности к логическому размышлению, которой мы гордимся, но нельзя исключать того, что когда их среда больше не соответствовала условиям, в которых эти виды стали доминирующими, то возникшее в результате этого расстройство какого-либо унаследованного инстинкта вызвало у отдельных представителей обреченного вида поведение, напоминающее подсолнечное понимание того, что они стали биологически устаревшими, обреченными на исчезновение. У некоторых видов, которые теперь вымирают, особенно у горной гориллы, мы можем наблюдать истощение жизненной энергии и возникающую вследствие этого апатию, которую можно описать как потерю желания жить.

Горилла не может рассуждать. Пока она неуклюже плетется к новым побегам съедобного молодого бамбука, ее туповатое сознание, несомненно, заполнено удовлетворением собой и не чувствует беспокойства о будущем; когда она крадется прочь от какой-нибудь опасности, которая побудила бы ее предков сражаться, ей не требуется прикрывать свою трусость отговоркой, будто бы она стала нравственно выше и сторонницей мира. Она не может знать, что ее удовлетворенная апатия выражает генетическое ухудшение, которое обрекает ее вид на скорое исчезновение.

Наша раса – биологический вид, и специфически свойственный нам интеллект, как могущественные плечи гориллы, когда-то дал нам господство над другими

видами. Но то, что мы должны теперь объективно наблюдать в нашем поведении, не является в действительности апатией гориллы. Это что-то намного худшее: извращенное и идиотское восхищение тем, что ослабляет нас и усиливает наших врагов. Этот болезненный расовый мазохизм теперь наиболее заметен в Соединенных Штатах и Великобритании, где мы не только делаем все, что в наших силах, чтобы субсидировать и ускорить размножение жадных паразитов, чтобы сделать нас бедными, выродившимися и уничтожить нас, но также применяем самые эффективные биологические методы, чтобы воспитать в нас слабоумие и возможное будущее вымирание.

Шесть лет назад в моем «Заговоре или вырождении?» я задавал один решающий вопрос: Утратили ли мы, люди Запада, волю к жизни?

Определенно с тех пор не произошло ничего, что могло бы предложить отрицательный ответ. Безусловно, после некоторых сенсационно отвратительных случаев, особенно возмутительных для нашей расы, значительное число людей, неизменно «наименее образованных», вполголоса сердито ворчат между собой; и в городе с населением почти в два миллиона около пятидесяти мужчин и женщин могут смело собраться, чтобы высказать свой протест, так смущающий огромное большинство арийцев, что те спешат заверить мир, что их головы настолько наполнены сентиментальным вздором, что они любят своих врагов и не надеются ни на что лучшее, чем на привилегию того, что в них будут плевать – ну, и еще немного пинать и толкать. И если об этом особо возмутительном случае широко сообщат, то компьютеры будут трещать еще более громко, штампуя в большом количестве воззвания к патриотическим простофилям, и коммивояжеры будут ездить активнее, носясь с одного собрания какой-нибудь организации на другое, чтобы удовлетворить временно увеличившийся спрос на патриотическое болеутоляющее средство, успокаивающее возбужденные животные. Вы нигде не сможете разглядеть ни малейшего признака того, что в значительном большинстве наших людей расовый инстинкт самосохранения не был потерян.

Но вопрос этот остается без ответа, поскольку мы еще не можем определить, угас ли инстинкт окончательно или же просто находится во временном бездействии, пока наши люди пребывают в своего рода каталептическом трансе, из которого они могут быть пробуждены физическим страданием и сильными лишениями, когда настанет время, что определенно случится через несколько лет. Пока же вопрос остается открытым, хотя наши фрагментарные сведения указывают на утвердительный ответ – да, воля к жизни утрачена. Законы биологических процессов, как закон всемирного тяготения, являются постоянными и неизменными; их нельзя обойти с помощью волшебства, красноречия или хны-

канья; и было бы в высшей степени глупо убеждать людей, которые биологически не пригодны выжить.

Все эти соображения укрепили меня в моем решении воздержаться от публикации этих страниц в прессе.

Этот буклет теперь издан по настоянию господина Ричарда Коттена, который отказывается терять надежду на будущее, и который сам подал пример непоколебимости перед лицом больших трудностей.

Есть несколько ободряющих признаков. Самым большим из них является публикация и все более и более широкое распространение очень важной книги под названием «Обездоленное большинство», автор Уилмот Робертсон (The Dispossessed Majority by Wilmot Robertson). Это первая попытка хладнокровно и объективно рассмотреть существующее тяжелое положение американского народа с позиций факта и логики, без мистики или сентиментальности, выходя за пределы навязанных самим себе и заранее обреченных на неудачу ограничений тех «антикоммунистов», которые полностью и непрерывно терпели провал в течение пятидесяти лет. Эта книга адресована большому количеству очень умных и получивших научную подготовку людей, которые считают невозможным верить в христианство, и которые должны считать невозможным терпеть нелепые и зловонные суеверия наших «либеральных» колдунов и знахарей, поклоняющихся фетишу – те самые суеверия, между прочим, которые «антикоммунистические» болтуны всегда боялись оскорблять.

Автор, который является человеком острого и пронизательного интеллекта, и который посвятил этой задаче десять лет жизни, считает, что все же возможно спасти многое из руин нашей нации. В человеке его интеллекта такой оптимизм – сам по себе основание для некоторой надежды.

Есть некоторые подкрепляющие признаки. Из надежных источников мне сообщают, что многие «либеральные интеллектуалы», которые, казалось, были приверженцами их оргиастического культа, прочитали новую книгу Роберта Ардри «Общественный договор» (The Social Contract by Robert Ardrey), и, вместо воюющей ненависти и попытки снять скальп с автора, как это обычно бывает у «либералов», когда они сталкиваются с неудобными фактами, они не только поняли книгу, но и начали разумно говорить о структуре человеческого общества. Это могло бы стать началом истинного просвещения.

Есть признаки того, что многие вдумчивые люди становятся скептическими или разочарованными, и сомневаются в распространенных суевериях. Я не могу поверить, что такой стойкий «либерал», как профессор Хэккер, книгу которого я

упоминал выше, действительно доволен результатами, которые он наблюдал, и чувствовал себя обязанным сообщить о них. Недавно профессор Уильям Шокли из Стэнфордского университета и профессор Артур Дженсен из Калифорнийского университета посмели открыто предположить, что научный метод и известные законы биологии были применимы к чернокожим. Конечно, толпы профессоров вудуизма и докторов обеа (еще одно карибское колдовство африканского происхождения) тут же выскочили из своих логовищ, крича, плюясь и дико размахивая своими фетишами. Эта непристойная демонстрация, однако, и бесстыдное заявление, что функция университетов состоит в том, чтобы парализовать американский ум ложью, обеспокоили многих людей, которые, озабоченные другими исследованиями, ранее не уделяли свое время тому, чтобы подумать об эгалитарном идолопоклонстве.

Это саморазоблачение «либерального» знахарства, мракобесия и фанатизма, возможно, принесло больше пользы, чем все проповеди «антикоммунистических» евангелистов на протяжении половины столетия.

Есть также некоторые обнадеживающие признаки желая в некоторых «консервативных» кругах обсуждать вопросы, обычно наполненные эмоциями, беспристрастно рассматривая доказательства. В моем «Заговоре или вырождении?», в примечании 45а, я упомянул о существовании данных, которые могут указывать на то, что наша раса в умственном отношении уступает евреям, и я давал понять, что было бы бесполезно втягивать сатану, чтобы объяснить доказательства первостепенной важности, которые должны быть исследованы со всей способностью нашей расы к объективному мышлению. Поэтому приятно, что эту проблему в спокойном и деловом тоне рассмотрел в свете социальной структуры и биологических сил господин Айвор Бенсон (Ivor Benson) в короткой, но очень ценной статье, которая была перепечатана в Америке в «Conservative Viewpoint» (июль 1972) и в британском журнале «Spearhead» (июль 1972). Читателю также может быть полезно напомнить, что запущенность и «отчуждение», которые разрушают значительную часть нашей генетически здоровой молодежи, вызваны, главным образом, невежественным или хитрым расстройством основных человеческих инстинктов, биологическое происхождение которых было ясно объяснено в «Территориальном императиве» Роберта Ардри (The Territorial Imperative by Robert Ardrey, 1966) так же, как и в его последней книге. Ежемесячный бюллетень Бенсона «Behind the News» сильно приправлен цитатами из Библии и явно адресован преимущественно христианской аудитории. Это делает его статью особенно обнадеживающей.

Эти и некоторые другие признаки, которые мне не требуется перечислять, могут дать некоторую надежду, но мы должны понять, что это надежда пережить те бедствия, которые мы в нашем безумии сами на себя навлекли. Не может быть

никакой надежды на возможность избежать их, полетев назад в 1928 год на ковре-самолете, который коммивояжеры псевдопатриотических фирм обещают своим клиентам. То, чего не стало, не может быть восстановлено разговорами о том, как хорошо это было; то, что мертво, не может быть оживлено некромантией, независимо от того, как красноречивы и убедительны колдовские заклинания.

Это верно, что часть нашего населения, которое все еще платит налоги, работает, получает фальшивые деньги, которые оно все еще может потратить, все еще может развлекаться в часы досуга, и, за исключением людей, которые были ограблены, изнасилованы или изувечены, все еще может делать вид, что почти все нормально и так и останется навсегда. Но никто, кто хотя бы на короткий момент уделяет внимание новостям, которые не могут не быть допущены в ежедневные газеты, не может не увидеть степень нашего социального распада и разложения или догадаться, насколько глубоко идет эта гниль.

Пределы того, что теперь может быть достигнуто «политическими выступлениями», были ясно продемонстрированы несколько дней назад, когда многие американцы следили, в дополнение к футболу и почти с таким же интересом, за инсценированной игрой, разыгранной для того, чтобы выглядело так, будто бы «народ» выбирал офисного мальчика на побегушках, чтобы выполнять мелкие поручения в Белом доме для комиссара Киссинджера или любого другого, кого наши хозяева могут назначить преемником Киссинджера как «генерального директора».

(Автор имеет в виду президентские выборы 1972 года, на которых победил действующий президент Ричард Никсон. – прим. перев.)

«Консервативные принципы» «американского бизнесмена» теперь продемонстрированы его радостным ожиданием того, что он сможет заработать несколько долларов на торговле с нашими врагами в России и Китае за счет рабоналогоплательщиков в Соединенных Штатах.

Экономический статус нашей разрушенной страны очевиден для профессиональных экономистов, которые теперь размышляют только о дате, когда фальшивые доллары, напечатанные Федеральной резервной системой, будут объявлены ничем не стоящими и заменены новыми подделками. И цели «образования» делаются все более ясными на примере «университета» в Калифорнии, который гордо ввел специальную «учебную программу» для гомосексуалистов.

Если вы внимательно послушаете молодежь, которая еще не была полностью испорчена наркотиками и развращенностью, то вы увидите, что их лихорадочная чрезмерная эмоциональность, их сексуальная распущенность, их показной шум или безразличие, их подвижное непостоянство, все это маска, скрывающая скрытое и подсознательное отчаяние, которое является очень существенным. И теперь все знают, что усилия бестолковых «борцов за мир» саботировать нашу армию и флот и довести нас до военного бессилия были успешны, и что, даже если у бы нас была воля, то у нас не было бы способности защитить эту страну против Советского Союза, если его хозяева прикажут напасть на нас.

Наша ситуация является отчаянной, и мы не можем позволить себе никаких иллюзий, никакого ухода в страну грез. Теперь, более чем когда-либо, оптимизм – это трусость.

Мы рождаемся в это время, и мы никуда не можем убежать из него, за исключением смерти. Если храбрость наших предков не была погребена с ними, если их способность встречать самые ужасные опасности с ясной решимостью была передана их наследникам, если их воля к жизни не затухла в нас, то наша раса и наша цивилизация все же могут выжить.

Если, как мне говорят, эта небольшая брошюра может сделать даже самый маленький вклад в наше выживание, то ее публикация оправдана.

Я согласился на публикацию в надежде, что она сможет разъяснить некоторым читателям функцию христианства в нашей истории, и что она также сможет убедить некоторых из сохранившихся христиан в том, что какой бы сильной и уверенной ни была их личная вера, и как бы прекрасны ни были мир и блаженство, которыми они будут наслаждаться в раю, сейчас они живут в мире, которым управляют беспристрастные и неизменные законы природы, которые никак нельзя отменить или обжаловать, и жаловаться на них было бы наивным ребячеством. Если они хотят обеспечить, если это возможно, место на этой планете для своего потомства, то их единственная надежда должна основываться на нашей науке и технике, и на способности нашей расы к объективному мышлению, которую наши шаманы и завывающие дервиши в течение многих десятилетий интенсивно саботировали под маской «образования» и «социологии», и которая вскоре подвергнется атаке тщательно спланированной эпидемии оккультных фокусов и оргиастической иррациональности, разработанной для того, чтобы навсегда уничтожить то, что еще осталось от нашего здравомыслия.

Поведение оставшихся христиан в этой критической ситуации и степень их способности подчинить религиозные эмоции крайне тяжелой задаче расового выживания будет исходным фактом, который следует учесть, если вы попытаетесь

угадать, припасло ли будущее для нас что-то большее, чем день, в который на решающий вопрос будет получен окончательный ответ – день, когда американцы станут единственным народом в истории, который с маниакальной навязчивостью и все же сознательно совершит самоубийство, и когда всё, что осталось от них, будет лежать забытым в оскверненных могилах.

20 ноября 1972 года

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).